

Михаил
СЕРЕГИН

**КОГДА СТРЕЛЯЕТ
МИШЕНЬ**

Вольный стрелок

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Михаил Георгиевич Серегин
Когда стреляет мишень
Серия «Вольный стрелок», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120902
М.Серегин Когда стреляет мишень: Эксмо; Москва; 2000
ISBN 5-04-005580-3*

Аннотация

Профессиональный киллер рано или поздно сам становится живой мишенью. И вот перед Владимиром Свиридовым – стрелком легендарной спецгруппы «Капелла» – остается один выбор: умереть мучительной смертью или уничтожить опасного террориста Кардинала. Но он слишком хорошо знает, как поступают с мавром, сделавшим свое дело...

Содержание

Часть I.	4
Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	24
Глава 3	36
Глава 4	53
Глава 5	76
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Михаил Серегин

Когда стреляет мишень

Часть I.

Побег из сентября

Пролог

Сергей Всеволодович Коваленко медленно докурил сигарету и, бросив ее в пепельницу, посмотрел на свое изображение в зеркале напротив. Из зеркала на него смотрело аскетическое смуглое лицо мужчины лет сорока, с коротко остриженными волосами и сдержанным пронизательным взглядом из-под красиво изогнутых густых бровей. Но как только Сергей Всеволодович включил лампу, первые же отблески тускло-желтого света, упав на это характерное лицо, кардинально изменили его.

Сергей Всеволодович неожиданно увидел, как из-под смуглой кожи, перламутрово переливаясь и тускнея по мере того, как разгорался ночник, выступили белые кости черепа, а спокойные глаза угрюмо запали и блеснули коротко и остро, словно взблеск молниеносно выхваченного из ножен

кинжала.

Да... Нервы – это всегда опасно. Потому что к реальной опасности еще может прибавиться вымышленное чувство дополнительной угрозы.

– Аня! – крикнул Коваленко, не отрывая от зеркала замороженного взгляда.

В комнату, где сидел Сергей Всеволодович, вошла молодая женщина лет двадцати трех – двадцати четырех и вопросительно посмотрела на него усталым, недовольным взглядом.

– Ты смотрела в это зеркало?

– Не знаю, зачем ты его привез, – проговорила она, не отвечая на его вопрос. – Как будто тебе мало нервотрепки... смотришься в кривое зеркало со всякой жутью.

– Да вся наша жизнь – такое кривое зеркало, – задумчиво проговорил он, придавая своему лицу выражение глубокой задумчивости.

Вероятно, такое выражение соорудил на своей умудренной возрастом и философско-мировоззренческим маразмом физиономии мудрец Диоген, прописанный в бочке, в тот момент, когда Александр Македонский предлагал ему весь мир и по недосмотру загородил почтенному старцу солнце.

– Быть может, именно это зеркало показывает истину, а не лживые стеклышки, которые развешаны везде, где не лень, – после некоторой паузы добавил он.

– Что, сильно устал? – спросила молодая женщина.

– Еще бы... сначала заседание совета директоров, потом три встречи... еще этот... имиджмейкер хренов! – пробормотал Коваленко. – Ведь выборы в Госдуму на носу, сама понимаешь, время хлопотное.

В этот момент зазвонил телефон.

– Господи... и в час ночи покоя не дадут, – проворчал Сергей Всеволодович и потянулся за трубкой. – Кого это там?.. Скинули бы лучше на пейджер... все спокойнее. Коваленко слушает! – энергично выговорил он в трубку.

– Сергей Всеволодович, Чечеткин беспокоит, – раздался в трубке взволнованный баритон. – Простите, что так поздно, но только были причины...

– Что случилось?

– Взрыв в вашем офисе... перестрелка. Трое охранников убиты, а начальник охраны Фокин пропал без вести.

– Что?!

– Не можем найти его. Исчез, как в воду канул. Не иначе как те парни его прибрали... сволочи.

– Ладно! – закусив губу, процедил Коваленко. – Сейчас приеду.

– Может, не стоит, Сергей Всеволодович? Профессионалы работали... не дай бог что с вами случится. Если они даже Фокина...

– Что-то случилось? – тихо спросила Аня, когда Коваленко с застывшим лицом медленно опустил трубку на аппарат. Коваленко покачал головой, и она, резко шагнув к нему,

схватила за руку:

– Что... Сергей, что случилось?

– Твоего Фокина похитили... – отчужденным деревянным голосом сказал он. – В офисе был взрыв... Трое парней убито, а он исчез... не могут его найти ни живого, ни мертвого.

– Афанасия? – пролепетала Аня. – Похитили? Господи... – Она опустила на колени и, как-то по-детски уткнувшись в диван, закрыла лицо руками.

– В офисе сейчас Чечеткин... – продолжал Коваленко. – Вызвали ментов и ФСБ. Сейчас и сюда приедут.

Он опустился рядом с Аней и положил руку на ее хрупкие плечи. И ощутимо почувствовал, как она несколько раз болезненно вздрогнула всем телом от этого легкого прикосновения.

– Разберемся, Анечка, – спокойно произнес он и после некоторой паузы добавил, сам не веря тому, в чем сейчас пытался убедить молодую женщину:

– Непременно найдем и Афанасия, и тех, кто сделал это... убил ребят и устроил взрыв в моем офисе. Все будет хорошо, верь мне.

...Неожиданно раздался хлопок, и на поверхности зеркала, расходясь от небольшого белого кружка с аккуратным отверстием в самой сердцевине, зазмеились и расползлись во все стороны, хищно извиваясь, прихотливые трещины, – и все зеркало, на доли мгновения упруго завибрировав в напряженном воздухе, с грохотом и звоном рухнуло сотней

больших и малых полос и осколков прямо на Аню и Коваленко.

– Балля-а-аха ммуха-аа! – простонал Сергей Всеволодович, почувствовав, как в его спину беззвучно входит что-то острое, холодное и безжалостное.

А в самом уголке окна, затянутого жалюзи, притаилась, как хитрая и коварная муха, черная точка пробоя...

Размер отверстия приблизительно соответствовал диаметру пули крупнокалиберного огнестрельного оружия...

Глава 1

Он сидел напротив пыльного зеркала в своей пустой квартире и думал, что для него жизнь уже потеряла всякий смысл. Его взгляд выхватил из отражения напротив до отражения знакомые черты лица, тонкого, задумчивого и какого-то бледно-желтого в отсветах тусклого ночника. У него никого нет, да ему никто и не нужен, и уже нет смысла что-либо менять... Из колонок врубленной на полную катушку стереосистемы грохотал тяжелый рок.

Это несмотря на то, что уже два часа ночи и по стенам комнаты мечутся тревожные шелестящие тени желтых ночных кленов за окном.

А через несколько дней уже тридцать три. Тридцать три года протянулись одной длинной шеренгой дней, то вяло ползущих, как жук по гравию, то смятенно комкающих привычный ритм жизни и вырывающих свое право на существование буквально на краю небытия.

Возраст Христа. Свиридов всегда думал, что в природе существуют три роковых возрастных рубежа, на которых так просто споткнуться людям. Тридцать три, тридцать семь и пятьдесят четыре года. Смерть Христа, смерть Пушкина и Байрона и смерть Петра Великого и Владимира Ленина.

А лучшему его другу – да, пожалуй, и единственному – Афанасию Фокину, недавно исполнилось тридцать четыре.

Незадолго до этой знаменательной даты Афоня был лишен сана священника Воздвиженского собора за неподобающее лицу подобного звания поведение.

Не помогли и связи в митрополии. Сам митрополит Феофил заявил, что такое завершение пастырской карьеры отца Велимира – в миру Афанасия Сергеевича Фокина – является вполне естественным и легко предсказуемым, потому как чинимые горе-священнослужителем непотребства давно уже переполнили чашу терпения божеского и человеческого.

И все это – несмотря на то, что Его Святейшество митрополит Феофил был двоюродным дядей Афанасия.

Впрочем, такой оборот событий отнюдь не обескуражил расстригу – отец Велимир заявил, что он и сам уже давно хотел оставить недостойную и насквозь пропитанную ложью стезю церковного служителя.

Произнесение этих слов сопровождалось неумеренным поглощением спиртных напитков, антирелигиозной агитацией среди прихожан и активным наставлением на путь истинный обидевшегося на богомерзкие речения своего брата во Христе отца диакона.

Диакона увезли в больницу с сердечным приступом, а Афанасию пригрозили заведением уголовного дела.

Три дня Фокин гулял, празднуя освобождение от обязанностей пастыря человеческих душ, а на четвертый уехал в Москву, где, как он утверждал, ему предложили приличную высокооплачиваемую работу в службе безопасности како-

го-то важного столичного деятеля.

С тех пор прошло около двух месяцев, а от Афанасия не поступило ни одного сообщения о том, как проходит его адаптация в новых условиях существования. Впрочем, в то, что все будет благополучно и Фокин оправдает доверие новых работодателей, Свиридов верил безоговорочно: в деле охраны Фокин был куда более компетентен, нежели в благородной миссии спасения человеческих душ.

Уехал в Москву и брат Илья: он был переведен туда на работу по линии модельного агентства «Сапфо», в котором работал до этого. Владимир уже видел брата в одном из новейших клипов какого-то очередного корифея российской эстрады.

Что ж, нельзя сказать, что Илья выполнил свою работу на непрофессиональном уровне.

Это радует.

Осень всегда была самым нервным и тяжелым периодом в жизни Владимира, и Фокин всегда смеялся над ним, называя «институткой» и почему-то «шизоидным психопатом». Когда же Свиридова смущала медицинская значимость упомянутого диагноза, Афанасий с невыносимо значительным и мудрым видом воздевал кверху указательный палец правой руки и говорил:

– Лермонтов тоже был шизоидным психопатом.

– Какое счастье... – бормотал Свиридов.

– А Толстому Льву Николаевичу поставили еще более за-

мечательный диагноз, – продолжал Фокин, – дегенеративная двойная конституция: истероидная и параноидальная с преобладанием второй. Так что не грусти, Вован.

Фокин всегда относился к жизни проще, чем Свиридов. Фокин жил такой полнокровной, свободной, раскрепощенной жизнью, так пользовался всеми благами жизни, которые дают молодость, цветущее здоровье и неплохое положение в обществе, что Владимиру порой оставалось только завидовать ему мучительной черной завистью.

Фокина никогда не посещали такие гнетущие мизантропические затмения, как это нередко бывало у Свиридова.

Самой наглядной иллюстрацией фокинского бытия и того земного существования, которое вел Владимир, могло бы стать следующее глубочайшее убеждение Свиридова: он прекрасно сознавал, сколь опасен и гибелен тот узкий и прихотливый путь, свернуть с которого он так и не мог, и потому знал, что может умереть в любую минуту. Он легко мог представить, как он умрет. Но как может умереть Фокин – этого Владимир при всей своей богатой фантазии и большом жизненном опыте представить не мог.

Просто не укладывалось в мозгу, как Афанасий, этот великолепный, матерый, широчайшей души человечище, не будет топтать землю, на которой он родился и прожил тридцатичетырехлетнюю свою жизнь. Как замрет в могучем теле жизнь и выпорхнет прочь, как птичка вылетает из клетки.

Нет, такого никогда не может быть!

А Владимир никогда не мог заставить себя смотреть на жизнь столь же прямо, смело и просто, как делал это его лучший и единственный друг. Может, потому, что слишком на многое претендовал? Слишком много желал достичь и потому к своим тридцати трем годам не достиг ничего...

Ни деньги, ни привязанность окружающих (за исключением брата Ильи и все того же Афанасия) не желали долго задерживаться у этого странного человека и уходили неотвратно и беспощадно, как песок уходит сквозь пальцы.

Однако песок не может причинить острой боли.

А ведь Владимир во всем был любимцем фортуны: ему всегда легко доставались деньги, любовь женщин и еще многое, о чем простым смертным приходилось только мечтать.

Но именно из-за этой легкости он часто чувствовал себя одиноким. И порой даже Фокин не мог развеять гнетущего настроения друга.

В плане преодоления депрессии Свиридов шел по самому банальному пути: включал музыку, ставил перед собой бутылку и пил, пока не чувствовал подкатывающего к горлу комка слезливой сентиментальности. И вот тогда он погружался в воспоминания...

Чаще всего он вспоминал о той, единственной, которую любил, наверное, по-настоящему, и потому отпустил так нелепо и буднично, словно такие встречи происходят каждый день.

Ее звали Аня, и он вспоминал о ней тем чаще, чем глу-

пее и безвылазней казалась ему его собственная жизнь. Даже цинично смеясь над своей не желающей умирать привязанностью, он не переставал ловить себя на мысли, что до сих пор любит ее.

Аня уже год как уехала в Москву, где, кажется, благополучно вышла замуж за богатого и преуспевающего человека. Свиридов несколько раз видел его по телевизору. Один раз даже в обществе Анатолия Чубайса и Виктора Черномырдина.

Что ж, он только рад, что она нашла свое счастье и сумела добиться того, чего давно заслуживала.

Влад отхлебнул еще коньяка прямо из бутылки и подумал, что надо бы съездить в Москву и навестить Афоню, который, кажется, несколько запамятовал, что у него есть старый друг по имени Владимир Свиридов.

И тут – глухо и неохотно, словно живое сонное существо, как показалось Володе, – зазвонил телефон.

* * *

Свиридов машинально взглянул на часы. Половина третьего ночи. Кто бы то ни был, но с его стороны это явная и непростительная наглость. Даже если звонил брат Илюха или последняя свиридовская подружка, которую звали то ли Ира, то ли Катя, – он точно не помнил.

– Да, я слушаю, – тихо сказал он.

В трубке что-то булькнуло, а потом чей-то высокий и нарочито спокойный голос произнес просто и буднично:

– Это я, Володя. Извини, что так поздно.

Он замолчал, потому что сразу узнал этот голос. Сразу, мгновенно, как удар молнии или беззвучная вспышка взрыва, – и оттого не сумел поверить. Может, из-за того, что был пьян и не хотел стать жертвой слуховой галлюцинации.

– Да, я слушаю, – наконец повторил он. Господи, как спокойно и даже равнодушно губы вытолкнули эти короткие слова!

– Я рада, что застала тебя дома. Честно говоря, я не надеялась, что смогу найти тебя вот так... просто.

– Ничего, Анечка, – ответил он, – я рад тебя слышать. Кажется, уже год прошел, как мы... Да что это я, господи?! Как твои дела?

– Хорошо, – сказала она. – По крайней мере, еще час назад я так думала. А как ты?

– Жив, как видишь, – усмехнувшись, ответил он, – то есть как слышишь. Это само по себе внушает некоторые основания для оптимизма. Знаешь, недавно Илюха пришел домой пьяный... Ну буквально как последняя свинья с самой захудалой свинофермы, а я... я тогда ночевал в его квартире... вот. И я говорю: что же это ты, урод, пятый день подряд приходишь из своего модельного агентства на четвереньках? И знаешь, что ответил мне этот молокосос? Так вот, он состроил на лице оскорбленную добродетельную мину и из-

рек: «Знаешь что... у меня нет никаких объективных причин быть трезвым». Здорово, да?

– Ты пьян?

– Да ты что... уважающий себя человек с бутылки коньяка пьяным не будет, – напыщенно заявил он.

– Знаешь, Володя, а ты совсем не изменился, – тихо произнесла Аня.

– Прости, Анечка. Что ты мне хотела сказать? – Он помолчал, слыша в трубке только ее глубокое дыхание, а потом медленно добавил: – Тебе нужна моя помощь? Ну... говори же.

– Ты всегда понимал меня с полуслова, – сумрачно произнесла она. – Надеюсь, ты не обиделся на меня, что я вспомнила о тебе в самый трудный момент в моей жизни... К тому же дело идет о жизни и смерти твоего друга.

– Моего друга? – переспросил Влад. – Неужели тыверишь, что у меня еще остались друзья? О ком ты говоришь?

– Об Афанасии... – медленно выговорила Аня, – Афанасии Фокине. Сейчас он начальник секьюрити моего мужа. Сегодня ночью убиты трое его подчиненных, а он сам пропал без вести.

Свиридов почувствовал, как гулкий озноб отдался тупой дрожью во всем теле, а блаженная пелена сладко-туманного хмеля начала расплзаться и таять перед глазами.

– Как же это? – пробормотал он.

– А Сергей, мой муж... его только что отвезли в больницу.

Кто-то стрелял в наше окно и разбил зеркало... Его осколки поранили Сергея... И меня тоже, но меня не так серьезно, как его. Только поцарапало.

– Ты хочешь, чтобы я приехал?

– Да... зачем иначе звонить далеко за полночь?

– В самом деле, – горько усмехнулся он, – зачем?

Она поняла, что сказала двусмысленную и непозволительно жестокую глупость.

– Прости, я не так выразилась... Конечно, у тебя могут быть дела, и тогда...

– Какие еще дела, – перебил Свиридов, – о чем ты говоришь? – Вздохнув, он оторвал трубку от уха, еще раз взглянул в зеркало, а потом решительно произнес: – Хорошо, я прилечу первым же рейсом в Москву.

– Я... – начала было Аня, судорожно вздохнув, и замолчала.

– Я прилечу, – повторил он, – скажи только, где мы встретимся.

* * *

Ранним утром того же дня Владимир Свиридов вылетел в Москву.

Правда, он до сих пор еще не мог понять, зачем он это делает и почему так легко согласился на просьбу Ани приехать. Она не сообщила ему ни того, что она от него хочет, ни

условий его пребывания или даже работы в столице. Ничего.

Только голые эмоции, связанные с терактом в офисе ее мужа и исчезновением Фокина.

Ну и Афанасий... Владимир никогда не замечал за ним такого качества, как скрытность, но тут эта черта характера проявилась в полной мере. Свиридову даже в голову не могло прийти, что Фокин нанят не кем иным, как мужем Ани или даже ею самой.

А между тем Фокин и пальцем не пошевелил, чтобы довести это примечательное обстоятельство до сведения Владимира.

А Аня... вероятно, ей в самом деле сейчас приходится несладко, если она позвонила ему среди ночи и попросила незамедлительно прилететь в Москву. Хотя весь год, истекший с момента их последней и не самой приятной встречи, даже не вспоминала о нем.

А теперь все снова кардинально поменялось, и Владимир не знал, за чем он едет в Москву – за новым всплеском излишней боли, которой так легко можно было бы избежать, за пулей в лоб или железом под ребра, как то, быть может, уже случилось с Фокиным, или...

Вот это «или», эта нелепая и волнующая недоговоренность ситуации заставляли его время от времени чувствовать во всем теле предательскую мелкую дрожь – словно он неопытный мальчик, идущий на первое свидание, а не испытанный боец экстра-класса, который летит в Москву выпол-

нять то, что он умеет делать лучше всего.

Или эта дрожь была следствием ночных алкогольных бдений перед зеркалом?..

* * *

Он спустился по трапу самолета едва ли не самым последним и огляделся по сторонам. Взлетная полоса, еще влажная от недавнего ночного дождичка, алела в лучах лениво восходящего сентябрьского солнца, и порой казалось, что прихотливые сполохи света, словно багрово-огненные змеи, расползаются по упругому, как туго натянутый платок, покрытию аэродрома.

– Н-да, – пробормотал Свиридов, у которого почему-то начало двоиться в глазах, а потом перед мысленным взором выплыли и беспорядочно метнулись во все стороны ярко-желтые пятна. В ушах уже давно билось и пульсировало давящее гудение огромного органа, и Свиридов подумал, что во всем этом чрезвычайно мало забавного и что ему не мешало бы для начала оклематься, прежде чем, так сказать, входить в течение московской жизни.

Он сошел с трапа и успел сделать по земле лишь три шага, как услышал:

– Владимир Антонович?

Приятный звучный баритон вплыл в болезненное гудение гигантского органа весьма удачно, потому что Владимиру

показалось, что он чувствует некоторое облегчение – словно в ушах раскупорило и прорвало шлюзы.

Он повернулся и увидел перед собой высокого элегантно-го мужчину лет тридцати пяти, в строгом черном костюме и при галстукe.

– Да, – ответил Володя Свиридов.

Интересно, промелькнула мысль, что сейчас подумал о его, Свиридова, внешнем виде этот респектабельный господин? Ведь Владимир, казалось, сделал все возможное, чтобы максимально ухушить мнение о своей персоне: помятое бледно-желтое лицо, мешком, не по фигуре сидящий плащик, потертые джинсы, один ботинок расшнуровался и мешает при ходьбе, а у него нет ни сил, ни желания наклониться и привести обувь в порядок.

Хотя одним завязанным шнурком тут не помочь... Ведь недаром существует пословица: встречают по одежке, провожают по уму.

Хотя и ума после эксцентрических алкогольных излишеств осталось не так уж и много.

Элегантный господин зацепил Свиридова коротким, критически оценивающим взглядом, уголок его рта чуть дрогнул и скривился, и, сделав шаг вперед, он произнес:

– Мне поручено встретить вас в аэропорту.

– А кто поручил, если не секрет? – с хрипотцой в голосе осведомился Свиридов.

– Анна Михайловна, – невозмутимо ответил мужчина в

черном костюме.

– Так вы из ее охраны?

– Можно сказать, что и так. – И мужчина показал рукой в направлении черного «Ауди» с тонированными стеклами и неподвижным темным силуэтом еще одного секьюрити, застывшего возле левой задней дверцы: – Прошу вас.

– Значит, вам знакома фамилия Фокин?

Пронизывающий взгляд человека в черном тяжело проскрежетал по похмельному лицу Владимира, в то время как тонкие губы четко выговорили:

– Разумеется. Афанасий Сергеевич мой непосредственный начальник.

– Ага, – протянул Володя, – это радует.

Он проскользнул в распахнутую перед ним заднюю дверь и с наслаждением плюхнулся на мягкое сиденье.

– Так как же так вышло, что Афанасий исчез? – спросил он, как только машина тронулась с места.

Повернувшись, мужчина угрюмо посмотрел на Свиридова и медленно, с достоинством ответил:

– Многие обстоятельства еще выясняются. Возможно, в тот момент, когда мы с вами едем в этом автомобиле, ситуация стала более определенной. Не исключено также, что Фокин уже найден. По крайней мере, его труп.

Свиридов изумленно покосился на этого человека, который так спокойно выговорил эти немислимые – «его труп»! – чудовищные слова, звучавшие как некролог тому,

кого Свиридов считал бессмертным.

– Да вы что такое говорите, черт возьми? – процедил он сквозь зубы. – Его труп?

– Ну что ж, – пожал плечами тот. – Таковы издержки нашей профессии. На его месте мог быть любой другой, в том числе и я. И никто не гарантирует, что завтра я тоже не буду мертв. А сейчас я исполняю обязанности господина Фокина и являюсь начальником службы безопасности головного московского офиса компании «Сибирь-Трансойл» и лично ее вице-президента Сергея Всеволодовича Коваленко.

– То есть вы полагаете... как вас зовут?..

– Чечеткин. Чечеткин Андрей Васильевич.

– То есть, Андрей Васильевич, вы считаете, что Фокин уже мертв?

– Я допускаю это.

– Но это же абсурд! – взорвался Свиридов. – Вероятно, вы просто недостаточно знаете его, если допускаете, что он вот так просто может умереть, уважаемый господин Чечеткин!

Ответа не последовало. Вероятно, новоиспеченному начальнику охраны были даны указания не вступать с Владимиром ни в какую полемику. Впрочем, он мог избегать этой полемики и по собственной инициативе. Скажем, из чувства собственного достоинства – той его разновидности, что встречается у снобистски настроенных граждан.

– Знаете, Андрей Васильевич, – вдруг проговорил Володя, – я не был в Москве уже шесть лет. Последний раз я был

тут при штурме «Белого дома» в октябре 1993 года.

– Вы участвовали в этом? – машинально спросил Чечеткин.

– Нет. Приказ отменили.

– Какой приказ?

Свиридов внимательно посмотрел на Андрея Васильевича и ответил сквозь зубы с коротким нервным смешком:

– Застрелить Руцкого.

Глава 2

«Ауди» подъехала к огромному десятиэтажному дому, очевидно, еще совсем новому. Въезд на стоянку перед ним осуществлялся через ворота, возле которых дежурил мрачного вида здоровяк с автоматом.

Нет надобности говорить, какого рода личным транспортом была буквально забита эта стоянка. Достаточно сказать, что чечеткинская «Ауди» оказалась едва ли не самым скромным авто из числа здесь представленных.

Это не считая того, какие монстры автомобилестроения могли бы находиться в подземных гаражах, которыми обычно оборудуются подобные элитные корпуса.

– Да, Анна Михайловна устроилась совсем неплохо, – пробормотал Свиридов. – Квартиры тут, судя по всему, двухуровневые?

– Двух– и трехуровневые улучшенной планировки с пятью, шестью, семью и десятью комнатами, – механически выдал Чечеткин.

– У господина Коваленко, разумеется, комнат десять?

Начальник охраны сухо кивнул.

– Совершенно верно.

– Кто бы сомневался, – пробормотал Свиридов.

Ждать пришлось, скажем, не десять, а все двадцать минут. Потом дверь открылась, и в гостиную вошел среднего роста плотный мужчина с приятными, хоть и несколько резкими чертами лица и серьезными карими глазами. Он был в темных брюках и тонкой белой рубашке, под которой острый взгляд Свиридова разглядел бинты.

Да, Аня говорила, что ее муж пострадал от сегодняшнего ночного выстрела.

Мужчина, внимательно посмотрев на Свиридова, кивнул ему.

– Доброе утро, господин Коваленко, – ответил Володя.

Сергей Всеволодович сел в кресло напротив и чуть заметно поморщился – вероятно, соприкосновение со спинкой кресла причинило ему боль.

– Владимир Антонович, – заговорил он приятным, чуть хриловатым высоким баритоном, – я приношу вам свои извинения за причиненное беспокойство. Но решение вызвать вас принимал не я. К сожалению, я мало вас знаю, но рекомендации, которые дала вам моя жена, без сомнения, заслуживают того, чтобы я узнал вас побольше.

– А где она сама? – негромко спросил Свиридов.

– Я отправил ее в свой загородный особняк, – пристально глядя в глаза, проговорил Коваленко, – в Москве ей оста-

ваться опасно. Она же вкратце довела до вашего сведения, что случилось буквально несколько часов назад... этой ночью?

– Да, разумеется, – сказал Свиридов, – взрыв в офисе и исчезновение начальника вашей службы безопасности Фокина...

– А также покушение на меня, – закончил список ночных несчастий Коваленко.

– Вы все-таки думаете, что это было покушение?

– А что же, по-вашему... пожелание спокойной ночи, что ли? – В небольших, но чрезвычайно выразительных глазах Коваленко вспыхнуло сухое раздражение.

– Судя по тому, что мне рассказала Анна Михайловна, это могло быть хорошо спланированной и просчитанной мерой психологического прессинга. Обычным запугиванием, одним словом. Хотя для того, чтобы говорить более определенно, нужно взглянуть на место, где этот эксцесс имел место. Впрочем, я забегаю вперед. Что вам хотелось бы от меня получить?

– Аня говорила, что в свое время вы работали с Фокиным в одном и том же отделе ГРУ. Еще тогда, в союзное время. Это действительно так?

– Да.

– Она говорила, что по своему уровню подготовки вы ничуть не уступаете Афанасию Сергеевичу. Если это в самом деле соответствует истине, позвольте вас поздравить.

– Благодарю, – сухо ответил Свиридов.

– Теперь о деле. Анна Михайловна заявила мне, что коль скоро сложилась такая двусмысленная и опасная ситуация, ей совершенно необходим личный телохранитель.

– А разве у нее нет охраны? – несколько иронично спросился Владимир.

– Разумеется, есть. Но она сказала, что в этой роли ее устроите только вы.

– А вы не спросили, откуда она такого высокого мнения о моих профессиональных качествах? – серьезно спросил Володя, внимательно посмотрев на несколько озадаченное лицо Коваленко.

– Разве это имеет значение? – после некоторой паузы отозвался тот.

– Вы правы.

– Стоит обсудить некоторые детали контракта, но все это в случае, если вы изъявите согласие.

Владимир грустно усмехнулся.

– Вы такой занятой человек, Сергей Всеволодович, и все же находите время прислушиваться к капризам своей жены и даже выполнять их. Наверно, вы очень любите ее...

– Так вы согласны? – с выражением некоторого недоумения в смеси с досадой перебил его Коваленко.

– Ну раз я прилетел, то куда же мне деваться? – четко проговорил Свиридов. – Остается только прояснить круг моих обязанностей и сумму, которую я буду получать за обеспе-

чение безопасности Анны Михайловны.

– А какая бы сумма вас устроила? – нетерпеливо спросил вице-президент «Сибирь-Трансойл».

– Я не смогу оценить себя меньше, чем десять тысяч в месяц. И две сразу, – с каменной физиономией человека, не собирающегося сбавлять продекларированную цену ни на грош, заявил Владимир.

– Вы говорите о десяти тысячах долларов? – уточнил Коваленко.

– Именно так.

– Вы полагаете, что стоите этих денег?

– Я стою куда больше, господин Коваленко. Просто существует такое понятие, как минимальная заработная плата. И я определил размер ее в десять тысяч долларов. Повторяю, это по минимуму. Если мне придется закрывать вашу супругу от пуль или кардинальным образом сокращать бандитскую диаспору Москвы и Подмосковья, то я непременно потребую себе премию, – произнес Свиридов.

Коваленко посмотрел на него взглядом, в котором непонятно чего было больше – недоумения, возмущения или досады. В самом деле, несложно понять преуспевающего делового человека, который вынужден иметь дело с невесть откуда взявшимся подозрительным типом в мятом грязном плаще и потертых джинсах. Типом, который самым невозмутимым и спокойным тоном требует себе высочайшую ставку и при этом самоуверенно заявляет, что стоит гораздо больше.

Возмутительно.

Впрочем, следует отдать должное Коваленко: он немедленно согласился на требования Свиридова.

– Только один момент, господин Свиридов, – добавил он, – я привык платить большие деньги за действительно классную работу. Не знаю, на чем основываются такие симпатии к вам моей супруги, на действительном ли положении вещей, надеюсь, что так, или на чем-то ином... Но в случае, если вы совершите прокол, несопоставимый с вашей зарплатой, пеняйте на себя. А пока что я соглашаюсь с затребованными вами условиями контракта. Все формальности уладим чуть позже, а сейчас позвольте мне задать один вопрос: насколько хорошо вы знали Афанасия Фокина?

– Он мой лучший друг.

– Я рад, что вы не говорите: он был моим лучшим другом. Мне не хотелось бы употреблять прошедшее время по отношению к этому человеку.

– Я поверю в его смерть только тогда, когда увижу собственными глазами его труп, – произнес Свиридов. – И если я смогу быть чем-то полезен в расследовании исчезновения Фокина... Разумеется, все это при возможности совмещения моих обязанностей.

– Я подумаю об этом, – просто ответил Коваленко.

Коваленко не смог собственноручно представить супруге вновь нанятого личного бодигарда, потому как на утро у него намечался деловой завтрак с обсуждением ряда важных вопросов по акционированию концерна «Сибирь-Трансойл», одним из руководителей которого он и являлся.

Поэтому в поездке Свиридова сопровождал уже известный ему господин Чететкин, которого шеф после некоторого колебания все-таки отпустил с гостем из провинции.

Загородный дом вице-президента «Сибирь-Трансойла» находился примерно в тридцати километрах за городской чертой Москвы в одном из престижных районов ближнего Подмосковья.

Вилла нефтяного магната намного превосходила по размерам и роскоши его московскую квартиру. Ее сложно было назвать домом, даже домом очень больших размеров, и все по той очевидной причине, что загородная резиденция Коваленко скорее являла собой комплекс зданий, нагроможденных одно на другое. Венчала всю эту громаду фигурная башенка восточного типа, сильно смахивающая на ту, что Влад видел в Стамбуле.

Она еще более усугубляла впечатление архитектурной эклектичности и разноголосицы, что сразу бросалось в глаза при виде этого эксцентрично и попросту бестолково выстро-

енного здания.

По всей видимости, несчастный архитектор, воздвигший все эти пропилеи, просто не понимал, что же от него хочет заказчик, и несколько раз менял проект уже в процессе строительства.

– Перестраивали недавно, – заметил обычно несловоохотливый Чечеткин, – Анна Михайловна так захотела.

Охранялась вилла вполне профессионально и очень тщательно. Уже на подъезде к ней метров за сто пятьдесят – двести Свиридов стал замечать замаскированные на деревьях дорожных указателях наблюдательные мини-камеры, многие из которых были применены к элементам местности так ловко, что ни за что не бросились бы в глаза львиной доле проезжающих.

В которую, естественно, нельзя было отнести Свиридова. У шлагбаума перед основательными железными воротами в кирпичной кабинке сидел человек в защитного цвета полушубке. Он помахал автоматом, приказывая «Ауди» со Свиридовым и Чечеткиным остановиться.

– Да, у вас тут серьезно, – проговорил Владимир. – Чувствуется основательный подход к делу.

– Это все работа Фокина, – прокомментировал Чечеткин. – Это он установил тот порядок, по которому ведется сейчас охранная служба.

...По мере того как автомобиль стремительно поглощал

расстояние, отделяющее его от загородного дома Коваленко, Свиридов все чаще ловил себя на мысли, сколь двойственно его вхождение в события последней ночи и в расхлебывание их последствий. С одной стороны, он чувствовал себя обязанным сделать все возможное для того, чтобы найти Афанасия и обезопасить Аню от легко предугадываемой, но всегда тем не менее неожиданной беды.

С другой стороны, он понимал, что, быть может, взялся не за свое дело. Нельзя дразнить собственную память такой магнетически желанной и притягательной близостью к той, которая потеряна для тебя навсегда. Та, вернуть которую может только безумство – безумство судьбы или собственное, самое опасное и непредсказуемое.

Смертоносный, нелепый жребий судьбы.

Все давно потухло, и незачем ворошить угли безвозвратно потухшего костра, – в который раз говорил себе Владимир. Ему уже давно не восемнадцать лет. Он профессионал, и Аня для него отныне только объект тщательной охраны и наблюдения, а не женщина.

Тем более женщина любимая.

И все-таки всякий раз, когда он произносил ее имя – даже мысленно, даже в разладе с собственной совестью, – что-то начинало трепетать в его, как ему казалось, так обманчиво холодной и насмешливо-циничной душе.

Что-то продолжало гореть под мертвым пеплом старого осеннего костра.

Точно так же, как в Москве, его провели в комнату и оставили ждать. В комнате, затененной жалюзи на всех трех больших окнах, было довольно темно, а так как ждать пришлось достаточно долго, то он все-таки заставил себя чуть задремать, надеясь на отлаженные сигнальные системы своего организма. На то, что в нужный момент он всегда успеет проснуться.

Вероятно, он переоценил собственные возможности. Или же степень накопившейся почти за двое бессонных суток усталости. Но только проснулся он не от того, что внутренний таймер скомандовал «подъем».

Просто он почувствовал, что кто-то пристально и неотрывно смотрит на него.

Владимир открыл глаза, и в узкой полосе яркого утреннего света из-под жалюзи на него выплыло неподвижное тонкое лицо Ани.

Свиридов как-то по-собачьи дернул головой, и вся сонливость немедленно улетучилась.

– Ты так хорошо дремал, – медленно, без улыбки и приветствия произнесла Анна, – я даже не решилась тебя разбудить.

В последних словах, как показалось Свиридову, прозвучала оскорбительно тонкая ирония, но неуловимый аромат

насмешки улетучился уже со следующими словами Ани:

– Хорошо, что ты все-таки приехал. Я все это время ждала, что ты перезвонишь и скажешь, что нет, дескать, я не пойду на поводу у взбалмошной бабы, которой взбрело в голову, что она в опасности... Такой, знаете ли, каприз заскучавшей жены миллионера.

– Разве я мог так поступить? – в тон ей без улыбки спросил Свиридов.

– Откуда я знаю, насколько ты изменился за этот год и как ты относишься ко мне теперь.

Владимир, скептически усмехнувшись, встал с кресла.

– Психологические изыски – это уже лишнее, – не сумев отказать себе в соблазне ядовитой насмешки, произнес он. – Во-первых, я решил, господин Коваленко не постоит за расходами. Хотя бы ради этого стоило поехать. Во-вторых, Афанасий...

– Ты уже виделся с Сергеем Всеволодовичем? – перебила его Аня.

– Да, в его московской квартире. Он даже любезно показал мне то место, где, по его словам, на него и было совершено покушение.

– И что?

– Я думаю, что исполнитель этого заказа был то ли круглым невеждой в своем деле, то ли перед ним не ставилась задача устранить Коваленко. По крайней мере, я проследил, откуда, судя по траектории полета пули, он мог стрелять. И

сделал один интересный для себя вывод.

– Какой вывод? – встревоженно спросила Аня.

– С такой позиции я бы уложил вас обоих на месте за доли секунды даже сквозь закрытые жалюзи. Достаточно было бы знать, что вы находитесь в этой комнате, куда твой супруг накануне установил это занимательное кривое зеркало. Интересно, зачем?

Анна надменно опустила глаза, и ее лицо сразу приобрело выражение глубокой отчужденности.

– Пройдем в дом, – наконец сказала она.

Свиридов огляделся по сторонам.

– А это, простите, что такое?

– Это так... прихожая, – сквозь зубы коротко сказала Аня.

– А ты мало изменилась, Анька, – вдруг бросил он и двумя пальцами взял ее за тонкое запястье, украшенное тонким, очень стильным золотым браслетом.

– Ты так думаешь?

Владимир пристально посмотрел на нее исподлобья и крепко сжал губы, словно стараясь удержать слова, которые только чудом еще не сорвались у него с языка...

Аня действительно мало изменилась. По сути дела, она изменилась только в одном: она стала совершенно чужой.

Глава 3

После того как Свиридову была отведена комната прямо возле входа в крыло дома, занимаемое Аней, он принял ванну, позавтракал и милостиво получил от своей госпожи разрешение вздремнуть и привести свой истощенный недомоганием, усталостью и похмельным синдромом дорогостоящий телохранительский организм в норму, соответствующую высоким требованиям нанимателя.

Потом он переоделся и, сопровождаемый рослым детиной в белой рубашке, проследовал на территорию обитания Анны Михайловны Коваленко.

Они прошли череду комнат, отделанных белым мрамором, золотом, горным хрусталем и зеркалами, где обычными, а где замутненными и прихотливо изогнутыми, с такой же белой мебелью, стоимость которой, вероятно, была сопоставима с величиной эдак в треть пенсионных отчислений за месяц в масштабах всей Московской области.

Свиридов обратил внимание на то, сколь многочисленны были кривые зеркала, к которым хозяин всего этого великолепия, нефтяной магнат Коваленко, питал совершенно определенную слабость.

Они вышли в огромный зал с высоким, парящим не меньше чем в шести-семи метрах над ними потолком, увенчанным громадными и немислимо красивыми шикарными

люстрами, широко раскинувшими пышные гроздья резного хрусталия на позолоченных фигурных остовах. У дальней стены зала находился белоснежный же бассейн, над которым царил мраморная фигура Посейдона с золотым трезубцем в одной руке и ярко пылающим слепяще-белым шаром в другой.

«Хороший шарик, киловатта на два, не меньше», – подумал Свиридов.

У бортика глухо плеснула вода, и Влад увидел, как стройная загорелая девушка в закрытом, но тем не менее довольно откровенном и несколько даже вызывающем белом купальнике одним движением взлетела на край бассейна и уселась там, неподвижно свесив грациозные длинные ноги. Это была Анна.

– Иди-ка сюда, Володя, – не оборачиваясь, произнесла она.

– Так точно, Анна Михайловна, – пробормотал Влад и посмотрел на здоровяка в белой рубашке.

– А ты свободен, Данилов, – словно прочитав мысли Свиридова, добавила Аня. – Иди.

– У тебя хороший слух, – сказал он, приближаясь к ней. – Как это ты так ловко определила, что это я?

– А ко мне больше никого не пустят, – улыбнувшись одними уголками рта и передернув хрупкими изящными плечами, которые в свое время так восхищали Володю, ответила она. – А что, я в самом деле не изменилась?

– Да нет, – окинув ее оценивающим взглядом, негромко выговорил Свиридов, – немного изменилась... жаль.

– Что так?

– Просто стала еще красивее. – Свиридов усмехнулся и сел на бортик рядом с ней, не обращая внимания на то, что только что выданные ему дорогие стильные туфли и штанины брюк легкого строгого костюма – тоже, вероятно, не самого дешевого – погрузились в прозрачную голубовато-бирюзовую воду бассейна.

– Разве это плохо?

– Для меня – да. Я же должен быть твоим, понимаешь ли, телохранителем, как мне это сегодня буквально на пальцах объяснял твой дражайший супруг. Те-ло-хра-ни-те-лем, – по слогам повторил Владимир и весьма откровенно смеялся насмешливым взглядом обтянутое мокрым купальником стройное тело молодой женщины.

– Володя, прекрати, – мягко сказала Аня и накинула на плечи тонкое полотенце. – Что это за мальчишество, в самом деле?

– Никакого мальчишества, – вздохнув, проговорил Владимир и отвернулся. – Так в чем будут заключаться мои обязанности? – после несколько затянувшейся неловкой паузы спросил он. – Сергей Всеволодович отдал меня всецело в твое распоряжение, но так и не уточнил, чем мне, собственно, предстоит заниматься.

– Ты будешь находиться при мне неотлучно, – глядя в сто-

рону, сказала Аня, а потом вдруг резко повернулась к нему, и он увидел ее смелые и честные глаза, в которых был его смертный приговор. – Ведь все давно закончено, Володя, и нет смысла говорить о старом и даже вспоминать. А ты... просто так мне будет спокойнее. Я могу себе позволить разориться даже на такого дорогостоящего телохранителя, как ты.

Она приблизила свое лицо вплотную к его словно окаменевшим чертам.

– Ведь правда?

– Все верно, Анечка. Только один момент: я никогда прежде не работал телохранителем. Скорее обратное... диаметрально противоположные функции. Ну, кому я рассказываю, ты же все помнишь.

Аня беспечно махнула на него рукой.

– Ну что ж, – подвел итог своим разглагольствованиям Свиридов, – в конце концов, это далеко не самое неудачное для меня трудоустройство.

– Правда? – улыбнулась она.

«Даже улыбка у нее стала иной – уверенной, открытой и почему-то неискренней... – подумал Свиридов. – Ну что, значит, так и должно быть...»

* * *

Они сидели в одной из бесчисленных комнат коваленков-

ской виллы, в ушах назойливо бился бодрый латиноамериканизированный звук риккимартиновской «Livin" la vida loca», которая за лето стала чем-то вроде похоронного марша для ценителей настоящей музыки.

К последним Владимир себя никогда не причислял, но от Рики Мартина у него начинались спазмы в горле и аллергические высыпания на коже.

Впрочем, сейчас ему было не до музыки.

– Каким образом вышло так, что Фокин стал начальником службы безопасности этого самого...»Сибирь-Трансойла»? Только не говори мне, Аня, что это простое совпадение. Я все равно не поверю.

– Не знаю... конечно, это не совпадение, только... – Аня посмотрела на Володю и, обиженно поджав губы, внезапно спросила в упор: – Ты ведешь к тому, что это я порекомендовала Афанасия на эту должность?

– Ну порекомендовала же ты меня, – пожал плечами Свиридов.

– Так это совсем другое! Ты отвечаешь только за мою личную безопасность, а Фокин являлся начальником секьюрити московского офиса огромного концерна! Сергей... м-м-м... Коваленко и слушать бы меня не стал.

– Возможно, что все это и так, – кивнул Владимир, – вот только кто, в таком случае, так удачно пристроил Афанасия прямиком к твоему мужу?

Губы Ани искривила досадливая усмешка, и она, не в си-

лах скрыть раздражения, произнесла:

– Что-то вы стареете, Владимир Антонович. Подозрительны стали и недоверчивы. Что-то раньше я такого за тобой не замечала.

– Я тоже. Только ведь и ты уже не та, – не остался в долгу Свиридов. – Ладно, – он поднялся с кресла и, дотянувшись до пульта дистанционного управления, выключил стереосистему, из колонок которой доносились финальные завывания латиноамериканского идола. – Нам нужно возвращаться в Москву. Именно это следует из твоего недавнего телефонного разговора с Сергеем Всеволодовичем?

Аня согласно кивнула.

* * *

Великолепный «Мерседес», который Коваленко совсем недавно подарил своей жене взамен разбитого ею «Рено», легко вынес Свиридова по подъемной наклонной – градусов в тридцать – тридцать пять – плоскости из подземного гаража, где находилась большая часть коваленковского автопарка.

Он распахнул перед Аней заднюю дверцу, она села, и «мерс» выехал в распахнутые охраной ворота.

– Я не понимаю, – проговорил Влад, – тут столько охраны, что дальнейшее усиление службы безопасности – просто бессмысленный перевод денег. На территорию загородного

дома Сергея Всеволодовича даже мышшь не прошмыгнет.

– Ты опять за свое? – сумрачно откликнулась Аня. – То есть ты хочешь сказать, что в этой вилле я в полной безопасности?

– Разумеется.

– И никто не сумеет добраться до меня, раз мой муж снабдил этот особняк столь впечатляющей охраной?

– Ну конечно.

Аня неожиданно рассмеялась. Так, как смеялась раньше – звонко, открыто, искренне. Влад поморщился и машинально увеличил скорость автомобиля.

– Нет, Володька, это забавно! – наконец выговорила она. – Как основательно ты убеждаешь меня в том, что моя безопасность столь же незыблема, как пирамида Хеопса.

– Не говори фигурально, ек-ковалек!

– А что, – Аня понизила голос почти до шепота и, наклонившись вперед, почти коснулась губами уха Свиридова, – даже ты не сумел бы проникнуть в этот особняк... если бы тебя наняли уничтожить меня?

Свиридов ничего не ответил, да и несложно понять почему: ответ на такой вопрос требовал недюжинных усилий. Тем более что Владимир прекрасно осознавал, каков должен быть ответ. И в том, что этот ответ будет совершенно соответствовать истине, он нисколько не сомневался.

– Что же ты молчишь? Ты сумел бы проникнуть в этот особняк и потом так же незаметно уйти из него? – настой-

чиво повторила Аня.

– Да.

– Вот видишь, – горько усмехнулась она, – а ты еще говорил, что я в полной безопасности. Значит, есть люди, которые способны... Вот потому я и хотела, чтобы ты был моим личным телохранителем.

Свиридов продолжал сидеть с невозмутимым, каменным лицом, легкими поворотами руля ведя разогнавшуюся почти до двухсот километров машину по трассе.

– У меня создается впечатление, что ты что-то постоянно недоговариваешь, – наконец сказал он после минутного молчания. – Конечно, ты не обязана ничего мне объяснять, воля твоя. Просто... не нужно так со мной поступать...

– Я знаю, что ты опасный человек, – прервала его Аня. – Так что можешь не говорить, как с тобой стоит поступать, а как нет. Но именно потому, что ты самый опасный из всех, кого я когда-либо знала, я и чувствую себя с тобой в полной безопасности.

– Ух, какие парадоксы, – усмехнулся Владимир. – Ты играешь с огнем, Анечка. Кстати, спешу тебя обрадовать: некоторые твои подозрения были небеспочвенны.

Аня вопросительно посмотрела на его несколько взлохмаченный затылок.

– Обрати внимание, что вон та темно-синяя «бээмвэшка» уже минут семь прилипла к нам и не желает ни обгонять, ни отставать. Я уже проверял: так оно и есть.

– Почему ты так решил?

– Да так... Просто когда демонстративно сбрасываешь скорость до шестидесяти километров, а эти идиоты делают совершенно синхронно то же самое, это наводит на некоторые размышления. Да и вообще... у меня нюх на «хвосты».

– Интуиция?

– Так, кажется, ребята нас нагоняют, хотя машинка у них довольно старенькая, – пробормотал Свиридов. – Если они хотят пожелать нам доброго утра, то для этого у них самый удобный участок трассы – пустынный, с лесопосадками... одним словом, благодать для господ романтиков с большой дороги.

– Ты что, думаешь, что... – начала было Аня, но в этот момент машину резко рвануло под грохот и мерзкий скрежет металла, а потом раздался звук короткой автоматной очереди.

– Ложи-и-ись! – рявкнул Владимир, и Аня, ничком упав на сиденье, уткнулась лбом в правую дверцу.

– Все правильно, – пробормотал Свиридов, – я думал, что они именно так и поступят. Ну что... повеселимся.

Он резко сбросил скорость, и «БМВ» снова основательно клюнула зад «мерса», да так неудачно, что ее развернуло и вынесло на встречную полосу.

– Ага! – вырвалось у Владимира сквозь сжатые зубы. – Так их!

Он резко вывернул руль налево, и крыло «мерса» точно

вписалось прямо в переднюю дверь «БМВ», смяло ее и вдавило внутрь. Машину неизвестных злоумышленников, вероятно не ожидавших такого поворота событий, сорвало с трассы и швырнуло на обочину.

– Ты что делаешь? – пробормотала Аня. – Ты сошел с ума?

– Эти козлы могут знать, где Афанасий! Возможно, что это они и...

Владимир, не успев договорить фразы, резко притормозил «мерс» напротив скатившейся в кювет «бээмвэшки» и, рывком распахнув дверцу, быстрым, по-тигриному гибким и опасным движением вылетел из машины и как-то сразу оказался возле «БМВ».

Сидящий за рулем русоволосый парень неподвижно сидел в кресле, свесив голову на грудь, а высокий лоб его наискось пересекала широкая багровая ссадина. Вероятно, он неловко подался вперед и ударился головой либо о лобовое стекло, либо прямо о руль.

Второй пытался выбраться наружу, но это ему плохо удалось, потому что дверцу заклинило. Свиридов ударил дулом пистолета в стекло и, когда оно разлетелось вдребезги, протянул руку и буквально вытащил засыпанного осколками стекол парня прямо через окно.

Рослый парень, безуспешно пытаясь освободиться от железной хватки Владимира, мешком свалился на траву, скаля на хищной кривой усмешке крупные белые зубы.

– Ты что это?.. – прохрипел он, и все та же злобная кривая

усмешка перечеркнула широкое загорелое лицо, как будто все то, что происходило последние две минуты, было только одной динамичной прихотливой игрой по обоюдной договоренности. – Ты что, брат?

– Какой я тебе брат, скотина? – произнес Свиридов и сильным ударом на коротком замахе дал парню понять, что никаких иллюзий в его отношении не питает и, как говорится, намерен обойтись с ним «по всей строгости революционного времени». – Лучше скажи, кому я обязан таким замечательным приключением?

– Ш-ш... што?

– Ты вот что, братец, – произнес Владимир, краем глаза следя за вышедшей из машины Аней. – Не рекомендую канифолить мне мозги, иначе пострадают твои собственные. Или то, что вам их заменяет. На кого работаете? Кто послал вас отработать Анну Михайловну?

– Да ты что, в самом деле, ничего не... – начал было парень, пытавшийся закосить под тупоумного амбала.

Свиридов вбил остаток ни к чему не обязывающей фразы негодяю в глотку сильнейшим ударом с правой. Правой ноги, естественно, потому что охота было об этого грязного ублюдка марать руки, в самом деле.

Грязного – это в том смысле, что парень умудрился основательно испачкаться в какой-то коричневой жидкости, судя по виду и запаху – машинном масле, причем явно не «Shell Helix Ultra».

– Ну, – угрожающе проговорил Владимир.

– Ты, конечно, парень крутой, – примирительно сказал парень, тяжело глядя на Свиридова. Он попытался подняться и сесть на редкую пыльную траву. – Но только ты полегче, и не таких в расход пускали.

– Сейчас ты у меня допрыгаешься, – предупредил Владимир. – Ну что, мне повторить свои вопросы или как?

– Или как, – буркнул тот, – а то знаю я, как ты повторяешь. «Допрыгаешься»... Что я тебе, блоха на сковородке?

Свиридов покачал головой, и в этот момент рука парня на траве скользнула в задний карман брюк.

– Только без фокусов, – предупредил Свиридов и, вытянув перед собой руку с зажатым в ней пистолетом, коснулся дулом лба парня. – Что у тебя там?

– Да всего лишь вот это, – проговорил тот и медленно вынул руку из-за спины. – Мое, так сказать, удостоверение личности.

– ФСБ? – воскликнул Владимир и развернул красные «корочки». – Теплаков Алексей Кириллович, капитан... И сколько нынче стоит такое удостоверение?

– Все дело в том... – начал капитан Теплаков и бросил короткий взгляд поверх свиридовского плеча. Какое-то сдавленное, еще не верящее самому себе торжество промелькнуло в его глазах, и Владимир интуитивно повернул голову, чтобы...

Выразительный взгляд Теплакова совпал по времени с ис-

пуганным предупредительным криком Ани.

На голову Владимира обрушился от души нанесенный удар, а потом сильные руки водителя грубо схватили его за горло и притянули к себе, пытаясь сломать шею.

Но даже оглушенный и полузадушенный, он полубессознательно извернулся и с силой ударил нападавшего затылком в переносицу.

И почувствовал, как вмялись и хрустнули под молниеносным ударом хрящи носа врага. От жуткой боли противник тут же разжал руки и слепо отступил на шаг, судорожно поднеся ладони к обезображенному лицу.

Останавливаться на достигнутом не имело смысла, и Свиридов подрубил столь неожиданно пришедшего в себя водителя добротным тычком в основание голени, а потом и вывел из строя окончательно, от души врезав жестким ребром ладони в самое основание черепа.

Водитель беззвучно ткнулся лицом в мелкую щебенку.

– ФСБ? – выпрямившись, рявкнул Свиридов на скорчившегося на земле капитана. – Хорошенькие у вас методы работы, мать твою!

Он легко подхватил капитана и потряхнул так, что из груди Теплакова вырвалось сдавленное хриплое клокотание.

– Вы все не так поняли, – быстро забормотал тот, – нам поручили просто проверить вас на предмет соответствия необходимым критериям... что-то вроде отбора.

Владимир отпустил Теплакова и отступил на шаг.

– Отбора? – медленно переспросил он. – Естественного, что ли?

Он повернулся к Ане и сказал:

– Сдается мне, Анна Михайловна, что эти люди действовали по указанию вашего мужа.

– Вот именно, – кивнул Теплаков с явным облегчением, – мы выполняли просьбу Сергея Всеволодовича. Вам ничто не угрожало. Автоматная очередь была холостой.

– Как это так? – бледнея, спросила Аня. – Значит, это Коваленко устраивает тут такие фокусы?

– Так точно.

– Такой, знаете ли, замечательный психологический эксперимент на кроликах. – Тонкие ноздри Ани раздулись и гневно затрепетали, на щеках выступил яркий румянец, а в глазах появились пугающие металлические отсветы. Владимир неожиданно увидел воочию ту, прежнюю Аню.

Впрочем, она быстро успокоилась, хотя обуздать себя ей, без сомнения, было ох как непросто.

– Я позвоню и проверю, так ли все на самом деле, как вы тут сказали.

– В машине есть телефон? – спросил у нее Владимир.

– Конечно.

Она набрала какой-то номер и уже через три секунды произнесла:

– Сергей? Это я. Слушай меня очень внимательно. Мало времени? Ничего, это подождет.

Она в двух словах передала ему суть происшедшего, а потом прямо заявила:

– Эти люди утверждают, что они действовали по твоему поручению и проверяли таким образом, соответствует ли Свиридов твоим требованиям. Это так?

Коваленко молчал.

– Это так? – повысив голос, переспросила Аня.

– Знаешь, дорогая, я не думаю, что это телефонный разговор, – сдержанно ответил Сергей Всеволодович. – Что касается капитана Теплакова и лейтенанта Степанова, то я признаю, что они на самом деле действовали по моему поручению. Я рад, что твой новый телохранитель оказался на высоте. Мои же действия были продиктованы заботой о тебе... Я хотел быть уверен, что отдаю тебя под охрану по-настоящему надежного человека. Ты не должна на меня обижаться, Аня. С тобой все в порядке?

– А у тебя есть сомнения? – ядовито спросила она, смешно наморщив лоб.

– Все было продумано, дорогая. Возможно, это было в самом деле несколько жестоко с моей стороны подвергать тебя таким встряскам, но это лучше, чем если бы ты попала в реальную переделку с ненадежным телохранителем.

– Ясно, – холодно проговорила Аня, но ясно было только то, что она с трудом сдерживает обиду – и за себя, и за Свиридова, которого подвергли унижительному испытанию.

– Я рад, что ты все поняла, – откликнулся Сергей Всево-

лодович и соизволил дать отбой.

Тем временем Владимир обратил внимание на пришедшего в себя водителя «БМВ», который незамедлительно был отправлен в прострацию повторно.

Внешний вид незадачливого субъекта не оставлял сомнений в том, что ему, то бишь лейтенанту Степанову, или как там его звали на самом деле, потребуется медицинская помощь, в том числе в отделении пластической хирургии, потому как его нос стараниями Влада был просто-таки размазан по его физиономии, как коровьи экскременты под железным катком асфальтоукладчика.

– А если все было разыграно, – проговорил Свиридов, пристально глядя на уже поднявшегося с земли и теперь тщательно отряхивающегося с видимым спокойствием Теплакова, – тогда почему же ваш напарник кинулся на меня, как человек, страдающий диареей, – на унитаз? Это что, тоже элемент проверки?

– Нет, – ответил Теплаков, – просто он не знал, кто вы такие и с какой целью проводится эта операция. Естественно, что, увидя своего непосредственного начальника на земле, а перед ним неизвестного с пистолетом, он принял меры. К счастью, неудачно.

– Что же вы так несолидно работаете-то? – усмехнулся Владимир и отвернулся от капитана. – Ни тебе прикрытия, ни какого-нибудь захудалого вертолета наблюдения.

– Я же говорил, что эта акция носит частный, внеслужеб-

ный, так сказать, характер.

– Все это так, – сказал Свиридов, – но я-то об этом не знал. Так что не думаю, что мне пришлось бы отвечать за вашу смерть в случае, если бы я не разобрался с вами так быстро и пришлось бы прибегать к кардинальным мерам. Поэтому в следующий раз, капитан, берите ношу по себе.

Теплаков покачал головой и медленно направился к своей «БМВ». С сомнением посмотрел на ее помятый салон, на разбитое стекло заклинившей к тому же дверцы, потом взглянул через плечо на неподвижное тело Степанова.

– Погодите! – окликнул он уже севших в «Мерседес» Владимира и Аню. – Погодите... вы не могли бы подвезти нас до Москвы? А то я не уверен, что машина заведется...

Аня продолжала сидеть неподвижно, словно и не слышала этих слов капитана, а Свиридов, широко улыбнувшись, хлопнул ладонью по рулю.

– Ну конечно... – сказал он и после долгой паузы, во время которой Теплакова уже машинально потянуло к «мерсу», добавил: – Но как-нибудь в другой раз.

Огромное авто легко сорвалось с места и через несколько секунд уже растаяло за поворотом, а остолбеневший от такой выходки Владимира капитан ФСБ постоял некоторое время на обочине дороги, а потом, устало вздохнув, направился к уже начавшему шевелиться Степанову...

Глава 4

– Вот таковы вкратце наши условия, многоуважаемый Афанасий Сергеевич, – произнес высокий представительный мужчина лет около сорока пяти, в легком сером пиджаке поверх белой футболки с треугольным вырезом на шее. – Сами понимаете, дело серьезное, и на него мы можем пойти только при участии профессионала экстра-класса. Такого, как вы, Афанасий Сергеевич.

Фокин, сидевший в глубоком темном кресле где-то в углу огромной гостиной, в которой и происходил разговор, потер ладонью небритый подбородок и медленно выговорил:

– А вы вообще понимаете, кому вы это предлагаете?

– О, конечно! – Мужчина в сером пиджаке, прихрамывая на левую ногу, прошелся по комнате, а потом сел за стол, на котором находился компьютер, и пробежался длинными тонкими пальцами пианиста по его клавиатуре. – Пожалуйста. Фокин, Афанасий Сергеевич, дата рождения – 15 августа 1965 года... м-м-м, а кстати, вам известно, что пятнадцатого августа родились Вальтер Скотт и Наполеон Бонапарт? В разные годы, разумеется.

– Нет, – угрюмо буркнул Фокин.

– Жаль. А впрочем, это не суть важно. Занимательная у вас биография, Афанасий Сергеевич. Так... это все не столь интересно, а вот это уже лучше. «С 1983 по 1988 год прохо-

дил обучение в высшей школе при ГРУ Генштаба вооруженных сил СССР, в том числе с апреля 1985-го – в спецгруппе „Капелла“, на базе которой позже был сформирован одноименный отдел. В июле 1988-го – практика в Афганистане». Хорошая практика, – одобрительно произнес человек в сером пиджаке. – Правда, война на тот момент уже фактически заканчивалась, но у таких войн нет жестко фиксированной даты окончания. Ведь так, Афанасий Сергеевич?

– Совершенно верно, – по-военному четко ответил Афанасий.

– Так... работа в отделе... участие в подавлении августовского путча 1991... подавлении мятежа 1993... расформирование отдела и направление в Чечню на предмет ведения там боевых действий. Превосходная биография, господин Фокин! В особенности мне нравится предпоследний ее пункт. В период с июня 1996-го по июль 1999-го служил священником в Воздвиженском соборе в... господи, что это вас занесло в такую глушь? Да еще священником... *cedant arma togae*, то бишь оружие да уступит тоге, как мудро говаривали в Древнем Риме. Все это хорошо, вот только не могу я представить вас, Афанасий Сергеевич, священником.

– Митрополит тоже не мог, – проворчал Фокин. – Поэтому лишил меня сана, несмотря на то что я его племянник. А что касается глуши, так эта глушь – моя родина. Я там родился. Русские люди вообще имеют вредную и чреватую неприятными последствиями предрасположенность рождаться не

только в Москве.

Его собеседник мягко улыбнулся.

– Я вижу, богатая военная биография не вытравивала из вас чувства юмора. Нельзя за вас не порадоваться, Афанасий Сергеевич.

– Угу, – лаконично отозвался экс-священник Воздвиженского собора.

– Последние же два месяца, как нам обоим известно, вы провели в столице, будучи начальником охраны у милейшего Сергея Всеволодовича Коваленко. Весьма уважаемый и богатый бизнесмен. И жена, как говорят, у него просто красавица. Впрочем, кому, как не таким людям, как Коваленко, жениться на красавицах?

Фокин шумно вздохнул и зашевелился в кресле, а потом сказал, глядя в упор на своего столь образованного, культурного и понимающего толк в людях и жизни собеседника:

– И сколько вы заплатите мне, если я соглашусь убрать названного вами человека?

Тот некоторое время сидел неподвижно и молча – очевидно, он не рассчитывал, что эти слова будут произнесены так скоро.

– Мы обсудим этот вопрос вместе, – наконец отозвался он. – А вы быстро попали в нужную струю, – добавил он после некоторой паузы.

– А что мне... – задумчиво произнес Фокин. – Убивать людей – это моя профессия. Все-таки я занимался этим всю

жизнь и только последние три года ушел от этого... думал, что нашел свое призвание или, по крайней мере, то, к чему больше, чем к смерти, лежит душа... ан нет, вышло, что я ошибался. Зачем тогда перекраивать себя?

– Зачем? – машинально откликнулся мужчина в белом пиджаке и серой футболке с вырезом на шее.

– Все равно, как говорил Микки Рурк в «Сердце ангела»... Есть такой фильм... «Врата ада отверзнуты, и гореть мне там вечно».

И Афанасий рассмеялся раскатистым и звучным горьким смехом, при звуках которого его собеседник невольно вздрогнул и искоса посмотрел на этого странного человека.

* * *

Фокин хорошо помнил все шесть лет своего пребывания в спецотделе ГРУ «Капелла». Первоначально предполагалось, что это будет элитный отдел внешней разведки, в котором будут собраны исполнители экстра-класса, которым принадлежало последнее слово в решении внешнеполитических конфликтов.

Проще говоря, это было подразделение государственных киллеров, и все их отточенное искусство убивать предназначалось только для одного – для физического устранения врагов Советского Союза.

Во главе «Капеллы» стояли во всех отношениях выдаю-

щиеся люди – великолепный профессионал разведки полковник ГРУ Петр Платонов, идеолог и стратег отдела профессор Михаил Климовский.

Но изменившаяся политическая ситуация расставила новые акценты в бурной и невероятно засекреченной деятельности отдела. Советский Союз безвременно почил в бозе. Хотя, к слову, профессор Климовский давно предсказывал именно такой исход горбачевских реформ, которые Михаил Иосифович считал бесполезными и подрывающими мощь государства.

Человек в сером пиджаке был совершенно прав. Фокин, как, впрочем, и Свиридов, прошли обучение в закрытой высшей школе ГРУ Генштаба, и спецгруппа «Капелла», официально готовившая кадры для контрразведки, а в действительности поставлявшая государству, а конкретно – силовым структурам высококлассных и фактически неуязвимых киллеров, выковала из них бойцов по-настоящему высокого класса.

Настолько высокого, что они чувствовали себя как рыба в воде в обманчивом, шатком и зыбком, как трясина, кавардаке позднегорбачевской эпохи и кровавом беспределе с начальным перераспределением собственности. В этом адском вареве работники спецотдела ГРУ и существовали под крылом существенно ослабевшего, но еще мощного государственного аппарата, на заказах властных структур.

Заказы были четко сориентированными и чрезвычайно

ответственными.

Это касалось устранения нежелательных для дальнейшего прозябания на этой земле фигур, преимущественно из криминалитета и бизнесменов первой волны, что в принципе почти что одно и то же. А равно и особ из других обременительных и неприятных категорий – несговорчивых политиков, назойливых и не в меру любопытных журналистов и репортеров.

«Капелла» была расформирована в конце 1993 года. Большая часть из ее четырнадцати сотрудников отправилась на войну в Чечню.

* * *

Торжественный прием, устроенный вице-президентом «Сибирь-Трансойла» Сергеем Коваленко в одном из дорогих ночных клубов Москвы, был, как всегда, великолепен. Обилие смокингов, вечерних туалетов, драгоценностей и дорогих иномарок у входа уже не поражало взгляд, но все равно, оставалось только удивляться, как в этой громадной полупарализованной стране еще могут уживаться нищета и это совершенно неправдоподобное, по-русски роскошное и щедрое и по-американски зрелищное и дорогостоящее великолепие.

Неизвестно, кого больше было у дверей клуба – мрачных и сосредоточенных парней из секьюрити в одинаковых

черных костюмах, навязчивых и вездесущих журналистов и фотокорреспондентов-папарацци из желтой прессы, сующих свой нос и фотообъектив куда надо и куда не надо, или же собственно гостей – стильных молодых банкиров, сумевших удержаться на плаву в экономическом шквале последнего года и теперь еще более самодовольных и внушительных, старых прожженных деятелей мини-олигархического типа еще советской закалки, а также разноперых и разноликих артистов эстрады и кино всех мастей и калибров.

Службой охраны с крайне неприступным и преисполненным чувства собственной значимости видом руководил Четкин.

На этот банкет, разумеется, пошел и Свиридов. Благо Аня была обязана присутствовать здесь на правах едва ли не хозяйки вечера.

...Владимир не раз задавал себе один и тот же вопрос: почему все-таки его вызвали в Москву, положили за услуги весьма значительную сумму, да еще проверяли, по зарплате ли его компетенция в вопросе телохранительского мастерства. Так ведут себя люди, которые знают, что к ним каждую секунду под любым видом и предлогом может постучаться многоликая Смерть.

И не хотелось бы верить, что Аня – из числа этих людей.

И опять... Опять он ловит себя на странном ощущении – словно его новая работа только предлог, только отправная точка для какой-то странной, тонкой и опасной игры.

Сейчас его фигура маячила за спиной затянутой в узкое вечернее платье госпожи Коваленко. Аня была под руку с мужем.

Нефтяной король был в чрезвычайно красивом и безукоризненно стильном костюме. Чувствовалось, что над его внешностью изрядно потрудились стилисты, визажисты и люди той модной и вместе с тем абстрактной профессии, что именуется имиджмейкеры.

Еще бы – кандидат в Госдуму за немногим больше чем два месяца до выборов.

Он был в ударе, много шутил и смеялся, и на фоне отдельных напыщенных гостей его открытая искренняя улыбка выглядела особенно ослепительно, а лучащееся, казалось бы, совершенно искренним счастьем и молодым самодовольством лицо было по-настоящему красиво.

Он был лучшим.

Аня наверняка чувствовала эту ауру мощи и удачи, исходящую от Коваленко, и потому просто не отрывала от него неподвижного взгляда, в котором перекатывалось сытое и самодостаточное удовлетворение, которое так часто принимают за сердечную привязанность и даже любовь.

Про Владимира она забыла. Казалось, ее и не интересовало, стоит ли за спиной человек, в присутствии которого она могла не бояться и самого дьявола или его человеческой ипостаси, или его там уже нет.

Только однажды она повернулась к нему и коротко, с

мгновенно поблекшей улыбкой, которая сияла на ее лице еще секунду назад, когда она беседовала с одним из многочисленных артистов, почтивших своим присутствием это пышное мероприятие, – бросила:

– Сделай лицо попроще, а то тебя люди пугаются.

На лице Владимира появилась великолепная голливудская улыбка в тридцать два зуба. Несколько неестественная и до предела американизированная, но именно так рекомендовали улыбаться в подобных ситуациях дипломированные психологи-физиономисты в пору обучения в группе «Капелла».

Великолепно, Анечка. Ты превосходно вжилась в роль хозяйки вечера. Эта маска надменности делает твое прекрасное ухоженное лицо еще более притягательным и совершенным.

Поменьше бы этого совершенства...

* * *

Потом говорили речи.

Как оказалось, этот банкет устраивался чуть ли не в рамках рекламной кампании как нефтяного концерна «Сибирь-Трансойл» в целом, так и Сергея Всеволодовича Коваленко как кандидата в депутаты Госдумы в частности.

Свиридов до конца так и не разобрался в целях и следствиях этого грандиозного вечера.

Речи говорили представитель московского мэра Лужкова, какие-то политики второго и третьего эшелона, артисты. Пели бездарные эстрадные песни. Под конец официальной части на сцену вышел какой-то певец, который, судя по аплодисментам и приветственным выкрикам аудитории, до того момента довольно сдержанной, был весьма популярен среди российских граждан.

Но Свиридов никак не мог вспомнить фамилии этого заклеянного славой корифея российской эстрады.

Нечто промежуточное между Иосифом Кобзоном и средним арифметическим «Иванушек Интернешнл».

Но не это привлекло внимание Владимира. В группе подтанцовки Кобзона Интернешнл он увидел высокую гибкую мужскую фигуру, затянутую в узкие кожаные брюки, с наброшенной на плечи педерастического вида прозрачной распашонкой, и уже не отрывал от нее взгляда.

Нет, Свиридов отнюдь не поменял ориентации. Просто в этом человеке он узнал своего брата Илью.

– Вы знаете, Аня, – говорил госпоже Коваленко какой-то высокий представительный господин с обширной лысиной и непрестанно издающим однообразные призывные трели «сотовиком», – вы с Сергеем Всеволодовичем на редкость гармоничная пара. И совершенно неважно, что у вас разница в возрасте пятнадцать лет. Я человек без предубеждений и уверен в обратном: зрелый мужчина и совсем еще молодая и, извините за вульгарное выражение, свежая женщина – это

куда более счастливый брак, чем в случае с двумя юнцами.

– Возможно, что вы и правы, Зиновий Евгеньевич, – очаровательно улыбаясь, ответила Аня. – По крайней мере, хотелось бы надеяться, что ваши слова справедливы применительно к нам с Сергеем Всеволодовичем.

Господи, как они ее вышколили! Что же тут над ней вытворяли в этой Москве?

– Я думаю, у него очень неплохие шансы попасть на выборах в Думу, – продолжал господин, – так что ваш муж имеет значительные перспективы не только в бизнесе, но и в политике.

Аня кивнула и совершенно неожиданно для Владимира краем глаза покосилась на него.

Он вяло пил минеральную воду и отсутствующим взглядом смотрел на сцену, на которой под музыку прыгал и извивался его брат. Да, Свиридов явно не выдерживал сравнения с Коваленко.

Циничный и бесплодно философствующий неудачник. Но неудачник сильный и все еще, несмотря на эту душевную анемию, способный на многое.

Впрочем, вряд ли Ане приходили в голову подобные мысли. Слишком много чести Свиридову сравнивать его с великолепным Коваленко.

Рядом мелькнула рослая фигура Чечеткина, Владимир придержал его за плечо и, кивнув на беседующего с Аней Зиновия Евгеньевича, спросил:

– Кто это такой?

– Рябинин, – отмахнулся Чечеткин.

– А кто это – Рябинин?

Андрей Васильевич посмотрел на Свиридова, как уставший врач диспансера для слабоумных и больных синдромом Дауна смотрит на своего потенциального пациента.

– То есть как это – кто? – медленно выговорил он. – Рябинин Зиновий Евгеньевич, один из двух главных держателей акций «Сибирь-Трансойл». Очень известный, богатый и уважаемый человек.

– Что-то не похож он на Рябинина, – пробормотал Свиридов, вперив оценивающий взгляд в семитский профиль Зиновия Евгеньевича.

– А, вот ты о чем? – На невозмутимом лице Чечеткина появилось что-то вроде легкой усмешки. – Рябинин – это русская производная форма от фамилии Рабинович.

– Это больше похоже на правду. А что это он сменил фамилию? Сейчас их брат в большом фаворе, – с серьезной миной произнес Свиридов. – Порой ловишь себя на мысли, что «новому русскому» просто стыдно называться Ивановым, Романовым либо Кузнецовым.

– Не знаю. Вероятно, изменил ФИО еще при коммунистах, а теперь не считает нужным разворачиваться в этом вопросе на сто восемьдесят градусов.

Высказав столь умное предположение, Чечеткин развернулся и растаял в толпе гостей.

...Из этого окна открывался очень хороший вид на парадный вход ночного клуба, откуда раздавалась громкая музыка и – время от времени – аплодисменты различной степени интенсивности.

Фокин присел к окну и осторожно раскрыл чемоданчик, который он незадолго до того поставил на подоконник.

В чемоданчике были детали для полуавтоматической винтовки с оптическим прицелом. Он начал поочередно вынимать их и по отлаженной до автоматизма технологии, без задействования сознания, машинально стал собирать ее. Было темно – жалкая лампочка, что освещала пролет лестничной клетки всего пару минут назад, была предусмотрительно возвращена.

Впрочем, Афанасий и не нуждался в освещении. В то время как руки уверенно и четко состыковывали части в единое смертоносное целое, глаза киллера неотрывно следили за входом в ночной клуб. Вход был богато иллюминирован, и в слепящем свете неона четко прорисовывалось несколько неподвижных силуэтов, застывших вдоль стены.

Их можно было легко снять одной очередью, но это меньше всего было нужно человеку, который медленно и выверенно осуществлял подготовку к своей жестокой, короткой, как вспышка губельного выстрела, миссии.

Подготовив оружие, он взглянул на часы. Двадцать три пятьдесят восемь. Через две минуты его жертве должно прийти важное сообщение по пейджеру, а еще через четыре-пять минут он окажется в зримой досягаемости для одной-единственной – роковой – пули.

И он, Афанасий Фокин, должен найти этот единственно верный путь для крошечного куска металла. Иначе точно такой же кусок найдет его самого.

И тех, кто ему так дорог...

* * *

Сергей Всеволодович произнес благодарственную речь всем собравшимся и начал чокаться с самыми важными гостями, в число которых случайно попал и Свиридов. Владимир не пил даже шампанского, бокал которого покоился в сильных пальцах Коваленко, и не имел ни малейших поползновений чокнуться с ним. Тот сам протянул руку с бокалом, дружелюбно улыбаясь Свиридову. И тому не оставалось ничего иного, как тупо ткнуть стаканом минералки в звонкий бок коваленковского хрустального сосуда.

Аня в этот момент продолжала свой, по всей видимости, весьма увлекательный разговор с Рябининым и вовсю пила вино и коньяк, богато выставленные на столах. По всей видимости, она была уже изрядно пьяна.

– Ваше здоровье, – выговорил Владимир и опрокинул в

рот осточертевшую минералку так, как если бы это была нормальная водка.

Зиновий Евгеньевич оглянулся на него и что-то сказал сначала Ане, а потом подошедшему к нему с вновь наполненным бокалом Коваленко.

– Возникли новые дела... очень жаль, – услышал Владимир долетевшие до него обрывки фразы, произнесенной уже вице-президентом «Сибирь-Трансойла». – Ничего не поделаешь... очень, очень жаль.

Судя по всему, господин Рябинин-Рабинович неожиданно вознамерился покинуть веселое собрание.

Наверное, позвонили или скинули информацию на пейджер.

– Я провожу вас до вашего лимузина, – тем временем с открытой физиономией радушного хозяина говорил Коваленко.

– Не стоит трудиться, – отвечал тот, – вы сегодня просто нарасхват, Сергей Всеволодович. Не тратьте на меня свое драгоценное время...

Коваленко принялся горячо убеждать в чем-то несговорчивого визитера, а потом до Свиридова долетело:

– Если вы уж непременно хотите проводить меня, то сделайте это, так сказать, в лице вашей очаровательной супруги. Надо сказать, что в выборе спутницы жизни вы проявили великолепный вкус, Сергей Всеволодович.

– Ну конечно, конечно, – чуть поостыв, но с не менее при-

ветливой улыбкой ответил Коваленко. – Анечка, будь так добра...

Он обернулся и, найдя глазами находящегося в трех метрах Свиридова, кивнул ему на выход из клуба. Владимир немедленно оставил свою минералку, которой он в этот вечер по причине настоятельной необходимости воздержания от алкоголя выпил больше, чем за всю предыдущую жизнь, и начал пробираться к выходу вслед за великолепной парой – г-н Рябинин и г-жа Коваленко.

Впрочем, потерять их из виду было достаточно сложно даже полуслепому и рассеянному а la Жак-Элиасен-Франсуа-Мари Паганель человеку. Превосходный белый как снег костюм Зиновия Евгеньевича и блистательные – как сказал бы Лев Николаевич Толстой – плечи Ани не могли выпасть из поля зрения ни на секунду.

Он быстро настиг их и пристроился в полутора метрах за спиной Ани. Вокруг них возникло несколько шкафовидных молодых людей, на фоне отдельных экземпляров которых даже Владимир Свиридов выглядел просто-таки стройным субтильным мальчиком-одуванчиком.

Вероятно, охрана Рябинина.

В лицо пахло свежим осенним воздухом, пронизанным ароматами мокрой листвы, и Владимир подумал, что в 1993 году, когда он был в столице последний раз, она пахла по-иному. В промозглом октябрьском воздухе тогда витал запах гари, машинной копоти и какой-то индустриальной гадости,

которая в Лондоне именуется красивым словом «смог». А уши неотвязно наползал лязг танковых гусениц и грохот выстрелов, а потом сумбурные лепестки разрывов, облетающие под порывами ветра и обнажающие черный провал в стене «Белого дома»...

А теперь Москва пахнет простой – добропорядочной и шальной – московской осенью.

Рябинин поцеловал Ане руку и, распрощавшись, за живым щитом телохранителей стал спускаться по ступенькам туда, где стоял шикарный черный «Линкольн». Судя по всему, с бронированными стеклами.

Да, что-то, а охрана у господина Рабиновича поставлена на высшем уровне.

«Я не завидую киллеру, которому поручат убрать Зиновия Евгеньевича, – неожиданно подумал Владимир. – У него слишком мало шансов. Охрана прикрывает Рябинина так плотно, что отсекается малейшая возможность изыскать лазейку для пули. Один шанс из тысячи...».

Стоявшая рядом Аня вдруг взяла его за руку, но ничего не сказала, а просто сжала его ладонь тонкими пальчиками, на которых еще равнодушно тлел рябининский поцелуй.

– Пойдем выпьем, – наконец выговорила она под его пристальным взглядом.

– Да.

В этот момент Зиновий Евгеньевич проскользнул в почти-точно распахнутую перед ним заднюю дверь, а вслед за ним

на сиденье грузно взгромоздился один из телохранителей.

– Да, выпьем, – повторил Свиридов и взял Аню за обнаженную руку чуть выше локтя.

...Так бывает не только в фильмах про Джеймса Бонда и «Смертельное оружие». Словно очнувшись от звука собственного голоса, Владимир как-то сразу понял, что сейчас что-то произойдет.

Бывают такие моменты, когда остро пульсирующие импульсы первородного инстинкта самосохранения, будто бы убаюканные неспешным течением патриархальной сентябрьской ночи, вдруг звонко прорываются озарением, открывая пути интуитивному осознанию ситуации. Причем ситуации во вневременном контексте. Независимо от того, сложилось грозящее гибелью нечто в настоящем или смоделируется в недалеком будущем.

Свиридову показалось, что он почти физически ощущает мощные силовые векторы противостояния. Кто и кому противостоял, было уже не суть важно.

Но так ни секунды не могло продолжаться. Что-то должно реализовать это невесть откуда выплывшее напряжение, как разряд молнии с пугающей ясностью овеществляет потенциал двух полярно заряженных грозовых облаков. Что-то должно разрядиться.

«Пора лечиться», – подумал Свиридов. И в тот же момент с пугающей ясностью осознал, откуда придет эта разрядка.

Он поднял глаза вверх, к окнам почти полностью уснув-

шей панельной девятиэтажки метрах в семидесяти-восемидесяти от клуба через дорогу. И тут в набрякшем ночном полумраке возникло движение. Словно дрогнуло и встрепенулось в застывшем воздухе что-то живое. Свиридов знал, что не может видеть этого, но подсознание настойчиво диктовало, что...

Слабо осознавая, что он делает, Владимир бросился было к лимузину, в который только что сел Рябинин. И тут словно два легких камушка упало на крышу рябининского лимузина. Два камушка, которые были услышаны только Свиридовым, потому что он совершенно сознательно вычленил эти звуки из общего гула, лавиной вырывающегося из полуоткрытых дверей клуба.

– Что с тобой, Володя? – полувстревоженно-полуязвительно спросила госпожа Коваленко. – Тебе приснился на ходу страшный сон? Кто кого охраняет – ты меня или я тебя?

– Шизофрения, – весело улыбнувшись, ответил Владимир, – господь бог наконец-то устал любить меня. Ведь ничего не произошло, правда?

– На тебе только что лица не было, – сказала Аня. – В чем дело?

Свиридов медленно обернулся и посмотрел на дорогу.

– А вот в чем, – пробормотал он.

...Лимузин Рябинина уже проехал два метра, как вдруг остановился и задняя дверь распахнулась так резко, словно по ней врезали кувалдой.

Потом в ее проеме появилась широченная спина телохранителя. Он медленно, пятась по-рачьи, высвободился из тесного для его богатырского телосложения салона, а потом Свиридов и Аня увидели в его руках что-то белое.

Это белое лишь на секунду расплылось в свете фонарей тусклым туманным пятном, а потом просветлело и приобрело контуры неподвижной человеческой фигуры.

Фигуры в белом стильном пиджаке, отвороты и воротник которого уже потемнели от оплывающего багровым уродливого бесформенного пятна. Фигуры, беспомощно повисшей в руках проколовшегося бодигарда.

Это был Рябинин с простреленной навывлет головой.

* * *

Фокин медленно разогнулся, ощущая неловкость в затекшей от длительной неподвижности спине. Рябинин запоздал на целых пятнадцать минут, и все эти пятнадцать минут он простоял в достаточно неудобной позе, боясь пропустить тот самый – единственный, которого уже может не быть, – момент.

– Так и знал, что придется стрелять через крышу, – проворчал он, разбирая и складывая оружие обратно в чемоданчик. – Хитрый, паразит.

Он пощупал натянутые на руки специальные высокочувствительные тонкие перчатки, рабочая модель которых бы-

ла разработана еще в ГРУ Союза, и убедился в том, что они абсолютно целы.

Афанасий был предупрежден, что стрелять в окна лимузина Зиновия Евгеньевича бесполезно. Поэтому нельзя позволить тому сесть в машину. Не получилось.

Но ничего страшного. Все почему-то думают, что окна – это единственный путь для пули в салон автомобиля. Ничуть не бывало. И хотя пуля пробила крышу под опасно острым и оттого ненадежным углом, она нашла свою мишень.

Афанасию вдруг почудилось, что в неподвижной и оттого давящей тишине типовой лестничной клетки почти неуловимо для слуха скрипнула дверь. Он хотел поднять голову и в ту же секунду почувствовал, как спокойный и уверенный взгляд равнодушно обшаривает его. Афанасий упал, как стоял, и на том месте, где он только что находился, появился корявый росчерк угодившей в подоконник пули, а по перилам скатился негромкий хлопок, как при откупоривании бутылки шампанского.

Перекатившись с одного бока на другой – тело неожиданно пронизала острая резаная боль, – Фокин выхватил из полуприкрытого чемоданчика нож из охотничьего набора и с левой, неудобной руки метнул в выросший в сером дверном проеме квартиры напротив темный силуэт.

Человек захрипел и беззвучно упал на пороге квартиры. – Интересная получается игра, – пробормотал Фокин. – Вопреки надобности я остался жив. Так вот почему тот козел

настаивал, чтобы я стрелял не с крыши, а из подъезда. На крыше я мигом бы раскусил того... второго.

Он осмотрел бок, в котором почувствовал резкую боль, и поморщился. Между ребрами на манер короткого стилета вонзился маленький осколок стекла – вероятно, от разбитой каким-нибудь подъездным алкашом бутылки. Афанасий легко, словно из чужого тела, выдернул его и осмотрел рану. Ничего страшного. Больше морального урона.

Фокин покачал головой и задумчиво выговорил себе под нос совершенно безотносительно к этой досадной и весьма нелепой травме:

– Кажется, я начинаю догадываться, почему мне показались знакомыми манеры и голос моего дражайшего работодателя... только не дай бог, чтобы я оказался прав. Но пора сваливать отсюда. – Он взглянул на часы и отметил, что с момента, когда две пули прошили крышу рябининского «Линкольна», прошло уже две минуты.

Слишком много...

Он приблизился к неподвижному телу своего несостоявшегося убийцы и перевернул его на спину.

Перед ним было застывшее в предсмертной гримасе изумления и боли лицо молодого мужчины лет тридцати пяти.

– Черррт!.. Так я и знал, что это будет кто-то из них, – пробормотал Афанасий. – Вот сволочь! Ну ничего... несмотря на свое плачевное состояние, он мне поможет.

«Что-то я стал много говорить вслух, – неожиданно отме-

тил Афанасий. – Это явный признак душевного дискомфорта или даже нездоровья. Точно такие же симптомы у Володи Свиридова, который явно не всегда отдает отчет в своих действиях и особенно словах».

Подхватив труп под руки, Фокин втопил его в квартиру и бесшумно закрыл за собой дверь.

Глава 5

Двери ночного клуба распахнулись, и появился бледный и задыхающийся Коваленко – в кои-то веки респектабельный руководитель нефтяного концерна был вынужден передвигаться собственным ходом, да еще на такой впечатляющей скорости.

Рядом с ним, прикрывая собой босса, мчался Чечеткин с пистолетом в руке, а вслед за шефом секьюрити – еще несколько телохранителей.

– Где?.. – скороговоркой спросил Коваленко.

И тут же увидел лежащего на земле Рябинина. По асфальту с угрожающей быстротой расплывалось кровавое пятно, и все вокруг было в алых брызгах и разводах – вторая пуля угодила Зиновию Евгеньевичу в шею и, по всей видимости, перебила сонную артерию. Поэтому было так много крови.

– Стреляли скорее всего вон с той девятиэтажки, – проговорил бледный как смерть рябининский телохранитель, которого тоже зацепило – наверно, той самой пулей, что прошила его хозяину мозг. – Ребята уже пошли туда... оцепят... может, не уйдет.

– Стреляли с девятого этажа второго подъезда, – уверенно произнес подошедший вместе с Аней Свиридов.

Коваленко поднял на него пронизывающий и вместе с тем какой-то загнанный взгляд.

– А ты откуда знаешь? – с трудом переведя дыхание, быстро спросил он.

– Я видел.

– Как это – видел? Ты что, знал, что будут стрелять?

– Догадывался. Интуитивно...

Сергей Всеволодович оцепенело уставился на Владимира, а потом схватил его за руку и резко рванул на себя.

– Так иди и интуитивно поймай этого ублюдка! – процедил он сквозь сжатые зубы. – Иди... возьми его, притащи сюда живым или мертвым – и можешь просить у меня все, что хочешь! Четкин и вы трое – марш с ним!

Владимир перевел взгляд на Аню, и та слабо кивнула: иди. Свиридов посмотрел на часы: с момента выстрелов прошло только полторы минуты.

Как долго истекли эти девяносто секунд.

Владимир сорвался с места и со скоростью, которой позавидовал бы иной спринтер, побежал через дорогу.

Коваленко смотрел вслед ему и четверем сопровождающим его работникам службы безопасности до тех пор, пока они не исчезли во мраке, непроницаемой пеленой окутывающем растущие у самой девятиэтажки высокие раскидистые вязы.

– Если они не найдут человека, который это сделал, моя песенка спета, – проговорил вице-президент «Сибирь-Трансойла». – По крайней мере, о Думе и о расширении торговых связей можно будет забыть.

Аня подошла к нему и нерешительно обняла его за плечи. Но этот жест уже через секунду отчего-то показался ей неестественным, вымученным и даже позорным, и она, опустив руки, спряталась за широкую спину одного из телохранителей.

* * *

У подъезда уже торчала здоровенная фигура одного из рябининских амбалов. Опасность резко обострила степень его понятливости, и потому он сказал, не дожидаясь прямого вопроса Владимира:

– Двое побежали за дом... это на случай, если этот сучара попытается окольным путем...

– Ты правильно встал у этого подъезда, – бросил на бегу Свиридов, – продолжай...

– Так у других подъездов еще тро... – начал было тот, но Владимир уже проскочил мимо него и бросился в темный зев подъезда. За ним следовал Чечеткин и один из его амбалов. Еще двое – с автоматами – остались снаружи.

Лифт, естественно, был отключен, но на всякий случай Чечеткин по отмашке Свиридова приказал одному остаться возле его дверей. Мало ли какую хитрость можно проверить на базе технического суперсовершенства родных российских грузоподъемных ящиков на железной веревочке.

Девять этажей Владимир проскочил с быстротой, достой-

ной если не Книги рекордов Гиннеса, так уж мастера спорта по легкой атлетике точно. Как ни был здоров и подготовлен Чечеткин, он отстал примерно на два этажа.

Девятый этаж. Острый взгляд с отработанной до совершенства профессиональной четкостью и вниманием выхватил из неподвижного полумрака все детали окружающего незавидного интерьера.

Стоп. Как же это сразу не бросилось в глаза?

Свиридов одним бесшумным движением оказался возле двери квартиры и, присев на корточки, мазнул пальцем по темному пятну, расплывшемуся на сером пыльном бетоне пролета.

Кровь. Совсем свежая кровь. И эта кровь принадлежит человеку, раненому или погибшему – что куда вероятнее – несколько десятков секунд назад. И его тело никуда не могло деться.

Нет ни малейших сомнений. Глаза Свиридова медленно скользнули по бетонному полу и поднялись по дерматиновой обивке двери.

Он здесь.

Он – виртуозно выполнивший свою работу убийца Зиновия Евгеньевича Рябина.

* * *

– Стой здесь, – еле слышно пробормотал Владимир, не

глядя на только что подбежавшего и теперь тяжело переводящего дыхание Чечеткина. – И не пыхти, как гиппопотам в вольере. Ему некуда деваться ближайшие пять минут.

Он пошарил по карманам и извлек набор отмычек, при виде которого Чечеткин едва удержался от негодующего вопля. Как, каждая секунда на вес золота, а этот Свиридов изображает из себя вора-домушника!

Отмычки мелькнули в руках Владимира с быстротой фокусника, и уже через две секунды замок еле слышно щелкнул, и он проскользнул в узкую щель – никогда не следует открывать дверь шире, если хочешь остаться незамеченным. Случайный скрип – и все раскрыто.

Чечеткин остался снаружи: Свиридов жестом запретил ему входить, и тот повиновался, поняв, что успех может прийти только при четком выполнении распоряжений Свиридова, как-то сразу выросшего и серьезно повысившего свой авторитет в глазах временного главы коваленковской security...

В прихожей было темно. Владимир сделал шаг вперед, вода перед собой пистолетом, и в этот момент его нога наткнулась на что-то мягкое и теплое.

Мозгу хватило сотой доли секунды, чтобы высветить ответ: этим мягким и теплым был еще не остывший труп человека, кровь которого он видел перед дверью квартиры.

Свиридов бесшумно двинулся по коридору, перешагнув через тело, и тут увидел рассеянную полоску света, выбива-

ющуюся из-под двери самой крайней комнаты в конце коридора.

Кроме полоски света, оттуда доносилось какое-то невнятное мычание и бормотание, перемежаемое короткими женскими взвизгами и стонами на самых высоких нотах. Владимир, подгоняемый уже не одним волевым импульсом, заряженным на достижение одной жестко поставленной цели, но и любопытством, достиг этой неплотно прикрытой двери и заглянул в узкую щелку между ней и дверным косяком.

И едва не удержался от возгласа удивления.

В этой комнате действительно находилась женщина. Другое дело, что она была не одна и полулежала в объятиях мужчины и, насколько Владимир мог уяснить из позы, в которой находилась парочка – кстати, совершенно голая, – основания для визгов и стонов у милой дамы были самые что ни на есть небеспочвенные.

Мужчина находился спиной к двери, и Владимир мог видеть только его мускулистую загорелую спину, достойную борца-тяжеловеса.

Как же так? Что тут вообще происходит? – панически метнулось в голове Свиридова, но он тут же взял себя в руки. Этот человек, убийца, прячется где-то здесь. Сегодня он уже отправил на тот свет двух своих сограждан, и нет никаких противопоказаний к тому, чтобы он, Свиридов, не стал третьим. Особенно если он будет терять самоконтроль.

Тем временем парочка продолжала вовсю усердствовать

на ложе любви. Конечно, сейчас бы они не услышали даже труб Страшного суда, ввергающих их в ад за грех сладострастия.

Свиридов отодвинулся от двери и бесшумно двинулся по коридору в обратный путь. Но что-то в той комнате его насторожило...

Свиридов резко обернулся и увидел в конце коридора огромный темный силуэт, словно вышедший из стены. Руки гиганта были вытянуты вперед, и Владимир скорее угадал, чем увидел: в них – пистолет. И дуло его смотрело на него.

И уже не было времени для ответного маневра и пространства для того, чтобы попытаться разминуться с гибельным кусочком металла. Очевидно, бог все-таки любит троицу и третьим в этой череде безвременных финалов должен стать он, Свиридов.

Здравствуй, смерть!

Великан шагнул вперед и вдруг совершенно неожиданно для Владимира ударил дулом пистолета по выключателю. Брызнул свет, и Володя вдруг почувствовал сначала, как его немеющие ноги прикипают к полу, а потом обвальное облегчение и расслабляющее опустошение наваливаются как-то грузно и неповоротливо. Он сполз по стенке и, сев на полу, тихо рассмеялся с интонациями окончательно свихнувшегося человека.

– Афоня... – пролепетал он и, положив уже ненужный пистолет на пол, закрыл глаза. – Вот это и называется: немая

сцена... а то «к вам едет ревизор»... Прости меня, господи...

– Ты один? – напряженно спросил Фокин, на лице которого не дрогнул ни единый мускул, словно знал, что все так сложится.

Владимир покачал головой.

– Чечеткин, – тихо сказал он.

Фокин бесшумно направился в сторону входной двери, не потрудившись даже как-то прикрыть свою наготу...

* * *

– Сюда могут прийти в любой момент, – произнес Свиридов, глядя на неподвижно лежащего на полу прихожей оглушенного Чечеткина. – Ты должен отсюда уходить, и немедленно. Андрей тебя видел?

– Не успел.

– Это хорошо. Ты знаешь, Афоня, что я должен привести тебя к Коваленке живым или мертвым?

– Догадываюсь.

Свиридов посмотрел на лежащий рядом с Чечеткинским труп и вдруг, издав короткий горловой звук, бросился к нему и повернул лицом к себе.

– Какая неприятная встреча! – произнес он.

– Ты знаешь этого?.. – кивнул Афанасий.

– Только сегодня и познакомились. Этот милый человек пытался сбить меня с трассы. Он капитан ФСБ, фамилия,

по-моему, Теплаков.

– Совершенно верно, – подтвердил Афанасий. – А теперь выведи меня из этого дома.

Свиридов саркастически усмехнулся.

– А как ты собирался сделать это сам?

– Это уже неважно. Есть более легкий способ уйти отсюда, и ты можешь обеспечить мне его.

– Как?

– Ты оцепил этот дом?

– Ну разумеется.

– Сколько тут людей?

– Около десяти человек.

– И среди них, я думаю, найдутся молодцы, не уступающие мне в росте и телосложении?

– Есть и поздоровее.

– Жаль, что нельзя поздравить с таким превосходным выбором кадров для охраны их хозяина, – жестко выговорил Фокин. – Ну так как?

– Ты лезешь на рожон, Афанасий. Сейчас я уведу людей, и ты можешь спокойно уходить. Зачем этот ненужный риск?

– А как ты объяснишь, что мой недавний подчиненный... Чечеткин оказался в таком завидном коматозном состоянии? – скептически осведомился Фокин.

– Это мое дело.

– Остается один проблематичный момент, – Афанасий вызывающе посмотрел на Свиридова, как бы ненароком по-

играл мощными мышцами на руках и после напряженной паузы негромко добавил: – Теперь мы играем в разных командах, Вован. А эта игра в поддавки никогда не вызывала у меня доверия.

– Ты что, думаешь, что я могу тебя подставить? – с изумлением спросил Свиридов. – Ты думаешь, что я способен предать человека, которого считаю своим другом?!

– Смог же ты пойти на ликвидацию Панфилова... тогда, еще в «Капелле»? Почему не зачислить в тот же ряд и меня? Конечно, Панфилов не был твоим другом, но мы были вместе бок о бок шесть лет. О чем тут еще говорить?

Свиридов посмотрел на хищно напрягшегося Афанасия грустным и несколько даже растерянным взглядом и тихо выговорил:

– Ты сошел с ума.

Фокин тряхнул головой, а потом хлопнул Владимира по плечу и воскликнул:

– Эх, да гори оно все синим пламенем! Иди, Володька, уводи своих остолопов.

– Только вот что... мне нужно будет с тобой встретиться, – проговорил Свиридов, оборачиваясь уже на пороге, – нам нужно многое обсудить.

– Совершенно верно, – серьезно подтвердил Фокин, – я хотел сказать тебе это сам, но ты меня опередил.

– У тебя есть телефон, по которому с тобой можно связаться?

– Сейчас нет. А что, если я сам позвоню тебе?

– Когда?

– Завтра вечером.

– Договорились, – проговорил Владимир. – В случае чего... ты ведь знаешь, где находится загородный дом Коваленко?

– А, эти замысловатые пропилеи? – усмехнулся Фокин. – Разумеется, знаю. Ты там охраняешь свою Аню?

– Ты же прекрасно знаешь, что она давно не моя. И, быть может, это к лучшему, – с плохо сдерживаемой досадливой горечью ответил Владимир. – Запомнишь номер моего сотового, или у тебя от алкоголизма и маразма память уже не та, что в «Капелле»?

– Запомню.

– Только вот что, – сообщив номер телефона, добавил Свиридов, – надеюсь, ты не станешь звонить мне прямо так и радостно сообщать, что у тебя все полный пинцет, как говорят в том сериале про Бивиса и Батхеда, который все время смотрел Илюха. Проще говоря, полный п...ц. Не то меня быстро попросят сменить место работы и жительства.

– Пропишут на кладбище, – поддакнул Фокин. – Ну за кого ты меня принимаешь? Что-нибудь придумаю.

– Никакой самодеятельности, – предупредил Свиридов, – давай сделаем вот так. – И он буквально в двух словах изложил Фокину, что тот должен сделать, чтобы не «засветить» себя и – для полного комплекта – Свиридова.

Несмотря на серьезность ситуации, широкое лицо Фокина расплылось в ироничной улыбке.

– Дорогой! – раздался из комнаты, где Фокин совсем недавно предавался плотским утехам, голос его экс-пресс-любовницы. – Дорогой, ты где?

Судя по визгливым ноткам и невнятной дикции, дамочка была весьма основательно пьяна.

– Анекдот, – фыркнул Свиридов и, посмотрев на молодецки напыжившегося Фокина, подхватил уже начавшего шевелиться Чечеткина и хлопнул дверью.

Этаже на пятом он встретил двух обеспокоенных парней, которые с автоматами наперевес медленно поднимались по лестнице, самым тщательным образом утюжа каждый укромный уголок лестничной клетки. Увидев временно выбывшего из строя шефа, они переглянулись, а потом идущий первым – вероятно, по местной субординации – осторожно спросил:

– Что с Андреем Васильевичем?

– Сам не знаю, – ответил Владимир. – По всей видимости, он встретил парня, которого мы искали. Как очется, спросим. А вы никого не видели?

– Не-е.

– По ходу, мужики, мы напоролись на профессионала экстра-класса, – произнес второй амбал.

Владимир внимательно посмотрел на индифферентную бритую физиономию сказавшего эти слова. Было сложно

предположить, что в мозгу ее обладателя наряду с языковыми средствами разговорно-экспрессивного плана, как-то «бля», «твою мать», «чиста-а-а типа наглухо и все такое», а также выражениями из арсенала работников прачечной типа «разведем!», «замочим!» и «отожмем!» содержались такие сложные понятия, как «профессионал экстра-класса».

И самое смешное было в том, что это словосочетание было употреблено совершенно к месту и по делу.

* * *

Когда Свиридов подошел к клубу, он увидел, что уже подъехали машины из ФСБ и РУБОПа, а возле все так же лежащего на земле тела Рябинаина стоит оцепление, которое тщетно пытается прорвать толпа вывалившихся из клуба гостей всех степеней опьянения и озабоченности происходящим.

Коваленко уже не было возле входа в клуб: он сидел возле сцены в наполовину опустевшем зале, а возле него стоял вдребезги пьяный артист, тот самый любимец публики, в подтанцовке которого участвовал Илья Свиридов и чьей фамилии никак не мог вспомнить Владимир. Поп-идол обнимал Сергея Всеволодовича за шею, утешал и говорил, что по мере возможностей будет способствовать тому, чтобы это громкое дело об убийстве Рябинаина расследовалось как можно быстрее и тщательнее.

На слух это воспринималось примерно так:

– Я скажу... ик!.. Юрри-и Михалычу, и он... кгрм... примет все ммм... мэры... ым-м... меры по факсу... по факту это-вввво... вво... возззмутительного преступления. Какой кошмакр!

– Сам ты кошмакр, болван, – устало сказал Коваленко и сделал знак одному из своих людей проводить незадачливого артиста до автомобиля и отправить на покой. – Аня, ты в порядке?

Аня, бледная и расстроенная таким ужасным оборотом событий, молча кивнула.

– Где там твой личный телохранитель? Ты думаешь, он сумеет что-то сделать со всем этим... ведь ты же говорила, что он может все?

– Я знаю только одно, что если бы Володя находился сегодня вечером рядом с Зиновием Евгеньевичем, то ничего бы не произошло и Рябинин преспокойно уехал бы домой.

– А как он сумел определить, откуда производился выстрел, с такой точностью, вплоть до подъезда и этажа? – холодно спросил Коваленко.

– А почему бы тебе не спросить у него самого? – отозвалась Аня, наливая себе полный бокал красного вина и выпивая до дна. – А вот и он идет к нам.

К столу Коваленко в самом деле приближался Свиридов. По его невозмутимому лицу не представлялось возможным угадать, каковы же результаты его кипучей деятельности.

– Присаживайтесь, – стараясь взять себя в руки, проговорил Коваленко, указывая на стул возле себя. – Что удалось узнать?

– Не так мало, чтобы впадать в отчаяние, но и не так много, чтобы говорить о каких-то существенных подвижках в этом деле, – дипломатично отозвался Владимир. – Одним словом, киллера мы не поймали. Но мне удалось обнаружить квартиру на девятом этаже, в которой он скрылся сразу после того, как совершил эти два выстрела.

– И что?!

– В квартире я обнаружил труп человека, по всей видимости, не ее хозяина. Он был убит ударом ножа в сердце.

Коваленко так и окаменел на месте, а Аня широко раскрыла глаза, узнав об этом новом, еще не известном ей преступлении неизвестного киллера-виртуоза, которого не сумел поймать даже Свиридов.

– В квартире я обнаружил женщину и мужчину, которые занимались сексом. Моего появления они, разумеется, не заметили. Боюсь только, что точно так же они не заметили и появления убийцы.

– Но как же он проник в квартиру? – спросил Коваленко. Свиридов пожал плечами.

– Точно так же, как и я. При наличии отмычек надлежащего уровня и качества, а также соответствующей спецподготовки не сложно вскрыть почти любой замок, не говоря уж о той примитивщине, что устанавливается в дверях большин-

ства населения. Киллер мог затратить на открывание замка, что стоит в двери той квартиры, от трех до двадцати секунд – в зависимости от модификации его отмычки и уровня его спецподготовки.

– А вы открыли дверь при помощи... вот таких отмычек? – быстро спросил Сергей Всеволодович.

– Ну конечно. Но то, что я вам сообщил, – это еще не все. Когда я, осмотрев квартиру, вернулся в прихожую, на пороге я обнаружил Чечеткина, которого оглушили замечательным ударом по голове. Вероятно, в тот момент, когда я осматривал квартиру, этот человек проскользнул на лестничную площадку. Чечеткин задержал его не больше, чем малолетний ребенок может задержать матерого рецидивиста. Судя по всему, Чечеткин не успел и пикнуть. Хорошо еще, что он вообще остался в живых. Зато сейчас он, вероятно, уже пришел в себя. – Свиридов покачал головой и добавил: – Мне очень жаль, что я допустил такую ошибку. А быть может, я зря упрекаю себя – возможно, все было так тонко рассчитано, что у меня не было шансов.

– Но ведь весь подъезд был забит людьми Чечеткина и рябининскими амбалами, а близлежащие территории оцеплены? Куда же он мог деться? – с необычайным для него жаром спросил Коваленко.

– Как куда? – Владимир вторично передернул широкими плечами и криво улыбнулся. – Да в любую из шестидесяти квартир этого подъезда или даже любой квартиры дома. Я не

думаю, что ему стоит большого труда бесшумно проникнуть туда и отсидеться до того момента, как переполох несколько уляжется.

– Почему вы в этом так уверены?

Свиридов задумчиво погладил подбородок и ответил:

– Да потому, что на его месте я, возможно, поступил бы именно так. Многие совершенно напрасно ободряются по поводу всех этих фиксаторов, блокираторов, предохранителей, цепочек и даже банальных, но тем не менее самых непроходимых для взломщика засовов. Впрочем, теперь уже поздно. Мне очень жаль. Кто-то не пожалел денег и нанял специалиста действительно высокого класса. То, как он прострелил крышу рябининского «Линкольна», – маленький шедевр. Поверьте, я в этом понимаю. Простите, Сергей Всеволодович, если я сказал что-то лишнее.

– Так, самую малость, – пробурчал Коваленко. – Благодарю вас. Сколько я вам должен?

Свиридов чуть презрительно улыбнулся одними уголками губ и ответил:

– Как вам будет угодно.

Коваленко посмотрел на жену и сказал:

– Тебе пора, Анечка. Ты выглядишь усталой. Свиридов отвезет тебя на дачу.

«Дача» – так заштатно Коваленко называл тот дворец, чье пышное описание уже помещалось выше.

– А ты?

– Я останусь в Москве. Вероятно, у меня будет очередная бессонная ночь.

Аня вперила в мужа беспокойный взгляд широко распахнутых глаз, а потом тихо пробормотала:

– Ты уверен, что вот так... хочешь остаться один... без меня?

Коваленко положил руку на ее обнаженное плечо и произнес, глядя на Владимира:

– Вези ее домой, Свиридов. Она что-то совсем пьяная. С вами поедут мои люди.

Аня пыталась слабо протестовать, но Коваленко не стал ее слушать, только легко коснулся губами ее бледной щеки и легонько подтолкнул к Свиридову.

* * *

Не успел Владимир только посадить Аню в «Мерседес», на котором они подъехали к ночному клубу, и сам плюхнуться в удобное кресло, как зазвонил телефон.

– Кого еще там, черррт?.. – сонно пробормотала Аня, уже начавшая клевать носом от стрессовой и алкогольной передозировки.

– Вероятно, меня, – сказал Свиридов, – потому как номер мой. Да, я слушаю.

– У меня все по-олный пинцет, дружо-ок, – кокетливо растягивая гласные, лениво зазвучал не очень вразумитель-

но дрожащий с артикуляцией, то бишь внятнм проговариванием звуков, женский голос. Вероятно, его обладательница была изрядно выпивши. – Во-о-от. Так что пресечемся завтра вечером. Выбралась нормально. Во-от так... Вася... то есть Володя.

– Вот и превосходно, – ответил Свиридов, – звони. У меня тоже вроде все гладко. Угу.

На том конце трубки что-то булькнуло, посыпались беспорядочные какофонические звуки, а потом другой женский голос, заплетаясь, пролепетал:

– Ва-а-алодя, а вы бландин-нь или брюн...

– Вован, одолжи сто баксов! – ворвался гроыхающий мужской голос, а еще один, приглушенный расстоянием, разделявшим потенциального абонента и трубку, пропел мерзким козлетоном: «Сто тугриков на рулон туалетной бумаги бедному монгольскому засранцу!».

Свиридов, едва сдерживая улыбку, покачал головой и разъединился.

Аня, которая слышала обрывки этого телефонного безобразия, подняла голову и спросила:

– Кто это был?

– Да так, – весело ответил Владимир, – знакомые.

* * *

– Сто тугриков, говоришь? – с напускной свирепостью

спросил Фокин, глядя на группу веселой молодежи, выпавшей из громыхающего зала одной из престижных московских дискотек. – Эта шта-а-а еще такое?

– Монгольская валюта, – ответила высокая шатенка с короткой стрижкой, которая только что разговаривала по телефону со Свиридовым. – А теперь отвечай, мужик: с кем это мы говорили?

– С моим другом. Кстати, он брюнет, – повернулся Афанасий к той из девушек, которая интересовалась цветом волос Свиридова.

– А какая корысть нам от твоего друга? Вот ты – это да. – Шатенка шагнула к Фокину, ее тут же занесло вправо – очевидно, она испытывала определенные проблемы с сохранением равновесия. – Мне всегда нравились крупные мужчины. М-м-м... и ты думаешь, что вот так поговорил на халяву... да еще нас, как шпионов, черт те... и теперь смыться?

– А что? – смеясь, спросил Фокин.

– Пошли с нами!

– Подрывать здоровый образ жизни и бесчинствовать безобразия? – Фокин довольно ухмыльнулся и обвел взглядом обступивших его молодых людей – двух парней и четырех девушек – возрастом примерно от двадцати до двадцати четырех лет. А почему бы нет, подумал Афанасий и выхватил из кармана пачку стодолларовых купюр – аванс щедрого работодателя.

– О-о-о, круто!! – Молодым людям явно понравился ши-

рокий жест нового знакомого, который вынырнул на них из темноты и, увидев в их руках «мобильник», попросил позвонить и сказать несколько слов другу.

– Меня зовут Тата, – на полном синусоидальном ходу к ярко освещенным дверям дискотеки заплетающимся языком сообщила ему девушка, которая говорила со Свиридовым. – А ты к-как?

– Афанасий. А Тата – это вообще что за имя? Вождь могучего индейского племени педикулезов Акуна Матата?

Громкий смех друзей девушки был ответом на эту сомнительную остроту.

– Да я понял, – примирительно добавил Фокин, – приятно познакомиться, Наташа.

...И не один из находящихся на этой ночной дискотеке никогда не распознал бы в этом весело улыбающемся молодом и красивом, сполна наслаждающемся жизнью человеке суперкиллера, который всего полчаса назад двумя выстрелами из автоматической винтовки уложил одного из богатейших людей столицы, а потом недрогнувшей рукой убил подручного своего коварного заказчика. Подручного, который должен был убрать исполнителя столь дерзкого и дорогостоящего заказа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.